

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2024. № 1 (31)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (31), 2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-52-94>
<https://elibrary.ru/YXRAVK>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Обнимаю тебя братски, дружески...» (письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому, 1809–1814)

*Вступительная статья и примечания С.В. Березкиной,
подготовка текста С.В. Березкиной и Н.Л. Дмитриевой*

© 2024, С.В. Березкина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

© 2024, Н.Л. Дмитриева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые полностью публикуются письма А.А. Плещеева, композитора, поэта, драматурга, члена общества «Арзамас», к В.А. Жуковскому за 1809–1814 гг. В этот период Плещеев был одним из самых близких друзей поэта, осведомленным во всех его личных и творческих делах. Отсутствие к нему писем Жуковского, утраченных при позднейшем пожаре усадебного дома в имении Большая Чернь, делают письма Плещеева ценнейшим источником научной биографии поэта раннего периода (до его отъезда из родных краев). В 1809–1814 гг. Жуковский много времени проводил в разъездах, покидая и возвращаясь в Муратово, куда его влекла любовь к М.А. Протасовой. Александр Алексеевич и его жена Анна Ивановна представлены на страницах статьи как самые деятельные участники в обустройстве желанного брака Василия Андреевича, так и не увенчавшегося успехом. Стоит особо отметить, что письма Плещеева помогают решить сложнейшие для публикаторов эпистолярия Жуковского вопросы, связанные с передвижениями и взаимоотношениями поэта в кругу его родственников и друзей. В плещеевских текстах обнаруживаются опорные даты для определения времени создания «домашних» юмористических стихотворений Жуковского, которые имеют в изданиях условную датировку. Письма, содержавшие сообщения и приписки В.И. Губарева, Ш. Моро де ла Мелтиер, О.П. Букильона и др., дают объемное представление о жизни гостеприимного дома Плещеевых.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, биография, стихотворения 1809–1814 гг., А.А. Плещеев, биография, музыкальные сочинения, эпистолярный, история русской литературы (первая треть XIX в.).

Информация об авторах: Светлана Вениаминовна Березкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-6834>

E-mail: s.berezkina@mail.ru

Нина Львовна Дмитриева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1925-3721>

E-mail: ninalvovna@mail.ru

Для цитирования: «Обнимаю тебя братски, дружески...» (письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому, 1809–1814) / подгот. текста С.В. Березкиной и Н.Л. Дмитриевой, вступ. ст. и коммент. С.В. Березкиной // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 52–94. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-52-94>

Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862), композитор, виолончелист, поэт и драматург, член общества «Арзамас»¹, был связан дружескими и родственными связями с большим кругом русских литераторов конца XVIII – начала XIX в. Первой жене Н.М. Карамзина, Е.И. Протасовой, он приходился родным племянником, В.А. Жуковскому (1783–1852) — свойственником через своих двоюродных сестер М.А. и А.А. Протасовых (мать Плещеева была родной сестрой их отца).

Плещеев с семьей обосновался в Орловской губернии, по-видимому, в конце 1806 г., когда была отстроена — поблизости от его старой усадьбы Знаменское — прекрасная новая усадьба, получившая название Большая Чернь. Строилась она на деньги от богатого приданого его жены Анны Ивановны Плещеевой (1776–1817), урожденной графини Чернышевой. В 1798 г., когда Плещеев, с его весьма скромным достатком, женился на ней, огромное состояние ее покойного отца графа И.Г. Чернышева находилось под сенатской опекой, поэтому приданое из него могло быть выделено только по распоряжению Павла I. Император, помнивший о графе Чернышеве по добрым отношениям с ним, распорядился судьбой его дочери

¹ См. о нем в: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. С. 303; *Ямпольский И.М.* Плещеев Александр Алексеевич // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 4. С. 307; а также: [4].

по-отечески, выбрав для нее мужа из своих приближенных², поскольку брак должен был «прикрыть грех», т. е. ее беременность.

Жизнь А.А. и А.И. Плещеевых в Черни была пышной, многолюдной и праздничной. Плещеев владел хорошим крепостным оркестром, и музыка была украшением всех чернских праздников. Вслед за приездом Плещеевых в переписке Жуковского появляются упоминания о маскарадах (первое празднество такого рода, по-особому любимого Плещеевым, состоялось в Черни в мае 1807 г.) и, как ни странно, дуэлях: «Анна Ивановна велела тебе сказать, — писала Е.А. Протасова Жуковскому в Москву в июне 1807 г., — что она в отчаянии ото всех дуэлей, и просит тебя крепиться и не вступать ни в какие ссоры за нее»³.

В Черни не только хозяин, но и хозяйка были с поэтом на «ты» (об этом можно судить по редким *русским* вкраплениям во *французских* письмах Анны Ивановны). Обожали Жуковского и дети, которых было шестеро (см. <8>, примеч. 2). Склонность Плещеева к буффонаде, различным шутивным представлениям и просто веселью, создававшим особую домашнюю атмосферу, пришлось «любезному брату и другу» по душе и дали толчок развитию «галиматши», буквально расцветшей в его творчестве, что важно, на чернской почве⁴.

Отношения Жуковского с Плещеевыми отличались особой доверительностью, поэтому он был посвящен во многие тайны этой семьи. Именно Жуковского Плещеев просил остановить в Москве разговоры П.А. Вяземского о его романе с Ниной (так ее называли в близком кругу): «Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячею кровью, — писал Жуковский Вяземскому в первой половине октября 1811 г., — не должна разрушать семейственного счастья» [5, т. 15, с. 134]. 6 ноября он еще раз написал ему о том же:

...жена его (А.А. Плещеева. — С.Б.) милая женщина, которая всегда выигрывает в коротком знакомстве. Узнав ее короче, я натурально не мог не удивиться *тому, что случилось*, и не найти его совершенно несходным с тем, что вижу, — надобно было все оправдать минутным заблуждением ума, помраченного слишком горячим

² См. «историческую повесть из времени императора Павла I» В.В. Крестовского «Деды» (1875), где Плещеев изображен среди приближенных гатчинского двора: Русская историческая повесть: в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. Ю.А. Беляева. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 23–260.

³ ОР РГБ. Ф. 104. Карг. 8. № 16. Л. 13.

⁴ О развитии юмористической стихии в поэзии и прозе Жуковского см.: [5, т. 1, с. 411, 418, 560–564, 611–612, 667–674, 678–679 и др.; т. 11 (1), с. 621–645].

темпераментом. Человек, не со всех сторон правый, может еще со многих сторон заслуживать и любовь, и уважение [5, т. 15, с. 138].

Жуковский просил Вяземского уничтожить письма Анны Ивановны, и, вероятно, тот исполнил его просьбу.

С именем Плещеева и его жены связано около двух десятков стихотворений Жуковского 1811–1814 гг. Поскольку позднее все письма поэта к нему погибли во время пожара усадебного дома в Черни, особую важность приобретают сохранившиеся письма Александра Алексеевича, в которых обнаруживаются ценнейшие сведения о жизни и творчестве Жуковского.

Поэт в то время жил рядом с протасовским имением Муратово, к обитателям которого он был привязан любовью к дочери Екатерины Афанасьевны — Маше (1793–1823), его родной племяннице. Постоянно приезжал в Муратово и Плещеев со своей женой. Именно они стали самыми деятельными помощниками Жуковского в обустройстве брака, о котором он мечтал.

Поэт впервые посватался к М.А. Протасовой в 1807 г., когда ей было четырнадцать лет. Ее мать ответила ему отказом, напомнив, что у нее с ним общий отец — А.И. Бунин (Жуковский был его побочным сыном). И тогда Жуковский попросил Е.А. Протасову оставить втайне его предложение, поскольку опасался реакции М.Г. Буниной, женщины властной и авторитетной в своем семействе, которая стала для него после смерти мужа в 1791 г. настоящей благодетельницей⁵. Искания руки М.А. Протасовой возобновились в 1811 г., когда в течение одного месяца скончались М.Г. Бунина, а затем и обожавшая ее Е.Д. Турчанинова, мать Жуковского.

Е.А. Протасова, скрывшая от всех первое сватовство своего брата и удовлетворившаяся его обещанием вернуться к сугубо родственным отношениям в лоне ее семьи, утверждала в письме 1815 г., что глаза Маше на истинный характер любви Жуковского к ней открыла А.И. Плещеева в 1811 г.⁶ Конечно же, эти разговоры сопровождались убеждениями в возможности такого брака, хотя в действительности это было невозможно, поскольку в Российской империи признавался лишь церковный брак, в отличие от России послереволюционной, где был снят запрет на браки, затрагивавшие боковые родственные линии.

⁵ См. подробнее в: *Березкина С.В., Киселев В.С.* Письма Е.А. Протасовой 1807 года о сватовстве В.А. Жуковского. (В печати, 2024).

⁶ Уткинский сборник I. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / ред. А.Е. Грузинского. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1904. С. 295.

Бывшая фрейлина, обладавшая большим опытом придворных и любовных интриг, А.И. Плещеева, надо полагать, искусно действовала в интересах Жуковского, преследуя, однако, свои цели, ведь присутствие талантливого поэта — а он после предполагаемой женитьбы на Маше должен был поселиться в деревне неподалеку от Черни — придавало ее дому особый блеск. Отъезд из Муратова в Дерпт Е.А. Протасовой с семейством, а вслед за ними в начале 1815 г. и самого Жуковского, был очень болезненно воспринят супружеской четой Плещеевых.

Занятия Плещеева-композитора, вращавшиеся с 1790-х гг. вокруг комедийных опер и водевилей, стали более возвышенными после сближения с Василием Андреевичем. Он начал писать музыку к его романсам, балладам, стихотворениям⁷. В провинции музыка Плещеева пользовалась неизменным успехом⁸, чего нельзя сказать о времени после его переезда в Петербург. Сообщения о восторгах по поводу музыкальных сочинений Александра Алексеича встречаются только в его переписке. Трижды были поставлены на петербургской сцене спектакли с плещеевской музыкой — пресса о них молчала или же отзывалась негативно⁹. В 1832 г. вышли «Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для голоса и ф.-п. А.А. Плещеевым», две части которых характеризовались рецензентом в следующих выражениях: «...столько смешных музыкальных фигур, что можно счесть за пародию»; «...разногласие музыкальной мысли или, лучше, выражения со смыслом слов!»¹⁰; «...беспрестанные перемены тонов и темпов, смешна звукоподражательная музыка!»¹¹

⁷ См. список произведений Плещеева (романсов, баллад и театральной музыки) в: [4, с. 71–72]; отметим, что настоящий список изобилует ошибками в датировке литературных сочинений Жуковского.

⁸ См., например, сообщение об исполнении оперы Плещеева «Тюремкин» (1816), доставившей «приятное удовольствие для публики»: *О<рля>->О<шменец> Ф.Ф.* Разные увеселения // Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский российский журнал. 1816. № 5. С. 91.

⁹ Так, о плещеевских «Нечаянных женихах» в Александринском театре писали: «Музыка монотонная, с большими претензиями и вовсе не водевильная» (*П. М. [Юркевич П.И.] Александринский театр... Нечаянные женихи, комедия-водевиль в одном действии, соч. Н.Н. Гордеева, музыка А.А. Плещеева // Северная пчела. 1837. № 105. 13 мая. С. 417*). Об откликах на ряд музыкальных сочинений Плещеева см. в: Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т.Н. Ливанова. М.: Музгиз, 1963. Вып. II. С. 123.

¹⁰ *Н.Н. Музыкальная библиография. Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А.А. Плещеевым: (Часть I) // Молва. 1832. № 25. 25 марг. С. 97.*

¹¹ *Н.Н. Музыкальная библиография. Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А.А. Плещеевым: (Часть II) // Молва. 1832. № 41. 20 мая. С. 163.*

Особо следует сказать о постановке в Петербурге в 1819 г. (через два года после смерти Анны Ивановны) комической оперы Плещеева «Принужденная женитьба», представленной как дивертисмент в бенефис Е.С. Семеновой после спектакля «Медея» с ее участием. Жуковский знал о создании этого произведения, о чем свидетельствует письмо Плещеева к нему от конца мая 1812 г. с упоминанием оперы и намеками на отражение в ней его судьбы. Постановка «Принужденной женитьбы» была со стороны Плещеева шагом вызывающим, поскольку напоминала о памятном в Петербурге эпизоде из жизни графини Чернышевой.

Опера создавалась на тему комедии Ж.-Б. Мольера «Брак по неволе» (см. <5>, примеч. 2). Ее героиня, состряпавшая для себя «принужденную женитьбу», была завзятой кокеткой, окруженной многочисленными поклонниками и стремившейся к беспрепятственному продолжению своей веселой жизни после замужества. Известие о постановке оперы едва ли могло понравиться графу Г.И. Чернышеву (1762–1831), который был поручителем на венчании своей сестры с Плещеевым [2, с. 148]. Он жил с семейством в имении Тагино в нескольких верстах от Орла, в Орле же имел дом, где Плещеевы, приезжая туда, останавливались. В письмах Александра Алексеевича к Жуковскому содержатся упоминания о его контактах с семейством Григория Ивановича, однако после смерти жены они исчезают. Добавим, что Чернышевы поддерживали А.И. Плещееву, пока она была жива, но граф М.Д. Бутурлин в воспоминаниях о них очень сухо охарактеризовал ее мужа, подчеркнув, что его дочери не составили себе хорошей партии [6, с. 43–44].

С кончиной Анны Ивановны жизнь Плещеева пошла под уклон. Его разорение также было следствием его вдовства, поскольку хозяйка Черни крепко держала в своих руках дела по управлению имением. В итоге выгодополучателем стал управляющий О.П. Букильон, в недавнем прошлом смешной длинноногий персонаж стихотворений Жуковского и Плещеева. За сыновьями осталась принадлежавшая их матери Чернь, за Плещеевым — старое Знаменское, освященное памятью о приездах в него Н.М. Карамзина, тамбовское же имение отошло к Букильону с племянником. Чернь к тому времени была уже иной: пожар уничтожил усадебный дом, в котором стorer весь архив Плещеева, в том числе его нотные рукописи.

Служба Плещеева в Петербурге не задалась. В 1819–1820 гг. он служил в дирекции Императорских театров, в 1821 г. стал тещем вдовствующей императрицы Марии Федоровны, но вскоре был вынужден оставить место из-за скандала, связанного с некой любов-

ной историей. «Стыдно, грустно, скучно! Боюсь с ума сойти, тогда и поделом из Павловска прогонят <...> Неужели императрица будет неумолима?»¹² — вопрошал Плещеев в недатированном письме к Жуковскому, побуждая его вместе с Карамзиным похлопотать за него, поскольку ему угрожала высылка из Петербурга. После этого камергер Плещеев получил место чиновника по особым поручениям при Министре внутренних дел¹³, где служил в 1822–1828 гг. С 1829 г. его имя исчезло и из списка камергеров, и из штата МВД. А.Н. Глумов приводил ошибочные сведения о якобы успешной службе Плещеева сначала в таможенном ведомстве, а затем в Экспедиции депозитной кассы [4, с. 55, 57], перепутав отца (Александра Алексеевича) с сыном (Александром Александровичем), служившим с 1828 г. в Министерстве финансов¹⁴. С 1829 г. Плещеев постоянно отправлял Жуковскому письма с просьбами о протекции по устройству на службу. Помогал ему поэт и материально, однако в 1831 г. Александр Алексеевич от такой помощи отказался: «Твоих пособий собственных, мой друг и брат, я более принимать не могу; ты и сам не богат и имеешь семейство в детях покойной сестры Александры Андреевны (Воейковой, урожденной Протасовой. — С.Б.)»¹⁵.

В 1832 г. Плещееву удалось получить место, по-видимому, вне штата (в адрес-календарях оно не отражено), что к 1840 г. перестало его удовлетворять. Затем последовали новые обращения к Жуковскому о протекции то к управляющему Морским министерством, то к министру финансов¹⁶. В этих письмах Плещеев называл его благодетелем, умоляя «сказать слово за того, которого ты видел прежде в селе Черни, дававшего <так!> праздники... а теперь в шестьдесят лет и более видишь его лишенного почти самого нужного для существования»¹⁷. Последние годы Плещеев провел в старом Знаменском со второй женой-полькой, с которой судьба свела его, вероятно, еще в 1820-х гг.

¹² РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 38–38 об.

¹³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1828. Ч. 1. С. 425.

¹⁴ Верные сведения см. в: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. С. 333.

¹⁵ РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 44 об.

¹⁶ Письмо Жуковского к светлейшему князю А.С. Меншикову от 16 февраля 1840 г. с ходатайством о Плещееве (РО ИРЛИ РАН. № 3869. Л. 3); письмо Плещеева к Жуковскому от 26 марта 1841 г. (РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 48).

¹⁷ РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 48 об.

Александр Александровичу и его семейству была посвящена историческая трилогия советского музыковеда и писателя А.Н. Глумова «Юные вольнодумцы» (1959), «На рубеже века» (1965) и «Судьба Плещеевых» (1973). В этих романах были использованы в цитатах и пересказе неопубликованные письма Плещеева к Жуковскому, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, о чем Александр Николаевич упомянул в своих мемуарах, описывая работу над трилогией¹⁸. Цитаты сопровождались ошибками как в датировках, так и в атрибуциях приписок, делавшихся в письмах Плещеева его домочадцами и друзьями. Использование писем было выборочным, поскольку определялось той тенденцией, которую придал своему повествованию автор, изобразив Плещеева как тайного вольнодумца, а его жену — как жертву царственного насильника¹⁹.

Письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому за 1809–1814 гг. печатаются впервые полностью по рукописным автографам: РО ИРЛИ РАН. № 28207. Л. 1–14 об., 16–17 об., 19–20, 50–53 об., 55–59, 61–62 об., 64–67 об., 71–71 об. Фрагменты из писем за 1812 г. (от 27 июля, 5 ноября, 1 декабря, 7 декабря), 1813 г. (от 16 июня, конца июня, 14 декабря) и 1814 г. (20 апреля, конец декабря) были использованы в работах А.Н. Глумова [3, с. 101–104; 4, с. 35–36, 38–39, 41–42].

Тексты писем печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации с сохранением просторечных написаний как проявления характерных особенностей стиля. Перевод с обозначением в скобках языка оригинала дается в постраничных сносках. Если письмо полностью написано на французском языке, перевод дается в основном тексте. Раскрытые сокращения слов заключены в угловые скобки. Знак вопроса в угловых скобках ставится в случаях сомнительного прочтения. Для указания мест в рукописи, которые не поддаются чтению, применяется ремарка <нрзб>.

¹⁸ Глумов А.Н. Нестертые строки. М.: ВТО, 1977. С. 390.

¹⁹ См.: Березкина С.В. Советский исторический роман в зеркале исторического источника («Судьба Плещеевых» А.Н. Глумова и письма А.А. Плещеева к В.А. Жуковскому). (В печати, 2024).

<1>

*А.А. Плещеев**16 ноября 1809 г. Чернь*

Schern. Le 16 Novembre 1809.

Mon très aimable Monsieur!

Si vous aviez un goût décidé pour la coquetterie, je ne me plaindrais pas de la courte apparition que vous avez faite dans nos contrées, je me plaindrais moi-même de vous avoir connu et je me dirais: cet homme si aimable d'ailleurs a la manie de tous les grands souverains; il pense avec délices aux regrets que son éloignement doit causer; et ce qui est un crime chez un souverain, est au moins un défaut chez un particulier... etc. etc. Enfin j'aurais eu de quoi me consoler, si toutefois c'est une consolation que de trouver des défauts à ceux qu'on regrette. Cette consolation à votre égard m'est interdite; ce n'est pas que je prétende vous insinuer que vous soyez sans défauts, mais par malheur, le seul de vos défauts qui soit venu à ma connaissance est justement celui qui doit augmenter mes regrets: c'est que je soupçonne qu'une absence chez vous amène bien des changements à l'égard de ceux qui n'ont pas eu le temps de vous inspirer une véritable amitié; et que vous êtes presque obligé en les revoyant de renouveler connaissance. — J'ai réfléchi longtemps au moyen d'éviter cet inconvénient, et j'ai vu qu'un commerce de lettres était au moins un palliatif; mais j'ai trouvé un autre remède plus efficace et que je crois d'un succès infaillible; et le voilà: — On s'attache naturellement à ceux qu'on a obligés; la reconnaissance que nous inspirons fait naître en nous un intérêt bien vif pour l'objet de nos bienfaits; — ...Vous devez déjà deviner que je vais vous demander un service essentiel.

Vous qui êtes connu dans le monde savant de Moscou, ne pourriez vous pas me déterrer un maître russe qui sait bien sa langue et un peu des mathématiques; (je dis un peu; mais s'il les sait beaucoup, je ne m'en fâcherai pas) et qui consentit à venir chez nous à la campagne; pour ce qui est des conditions, nous n'aurons pas de dispute; pourvu que ce soit un homme de mérite; et recommandé par vous il ne peut être autre chose.

A présent je vous prierai de me rendre réponse au plus tôt, pour que je sache au moins, si mon remède a fait effet. — En attendant permettez moi de vous embrasser et de me dire pour la vie

Votre tout dévoué

Alexandre de Plecheyeff.

Toutes nos dames vous prient de ne pas les oublier; ou pour parler plus communément; elles se recommandent à votre souvenir.

<Перевод:>

Чернь. 16 ноября 1809¹.

Милостивый государь!

Если бы вы были решительно склонны к кокетству, я бы не стал жаловаться на краткость вашего появления в наших краях, я пожалел бы себя самого за то, что познакомился с вами, и сказал бы себе: этот человек, хотя и весьма любезный, имеет пристрастие, свойственное всякому высокому лицу, с наслаждением думать о вызванных его отъездом сожалениях; и то, что для высокого лица является злодеянием, для частного лица, по крайней мере, — промах... .. и т. д., и т. д. В конце концов я бы нашел, чем утешиться, если можно найти утешение в недостатках тех, о чьем отсутствии сожалеешь; но в том, что касается вас, этого утешения у меня нет; дело не в том, что я намерен намекнуть вам, будто вы лишены недостатков, но, к несчастью, единственный ваш недостаток, который пришел мне на ум, как раз тот, который должен усилить мои сожаления: подозреваю, что, будучи далеко, вы можете изменить свое отношение к тем, кто не успел внушить вам подлинную дружбу; а посему вам придется при новой встрече возобновить знакомство. — Я долго думал о том, как избежать сего нежелательного последствия, и решил, что обмен письмами будет хотя бы полумерой; однако я нашел другое, более действенное средство, которое, надеюсь, будет иметь верный успех; вот оно: — Естественным путем привязываешься к тем, кого вынужден быть вам признательным; благодарность, которую мы внушаем, пробуждает в нас живой интерес к объекту наших благоденний; — ...Вы, должно быть, уже догадались, что я намереваюсь просить вас о важной услуге.

Поскольку вы известны в московском просвещенном кругу, не могли бы вы найти для меня русского учителя, хорошо знающего родной язык и немного математику²; (говорю — немного; но если он ее знает хорошо, я не стану на это досадовать) и который согласился бы приехать к нам в деревню; в том же, что касается условий, никаких разногласий не будет; лишь бы это был достойный человек; а если он будет рекомендован вами, он и не может быть иным.

А теперь я прошу вас ответить как можно скорей, дабы я, по крайней мере, знал, оказалось ли мое средство действенным. — Тем временем позвольте обнять вас и сказать, что я на всю жизнь

Ваш совершенно преданный

Александр Плещеев.

Все наши дамы³ просят не забывать их; или, как обыкновенно говорится, они вам кланяются.

¹ Адрес на письме: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому. В Москве. В Университетском пансионе на Тверской у г-на Антонского». Письмо дает основание для определения времени отъезда Жуковского из родных краев в Москву в 1809 г. — осенью, по-видимому, в конце октября. К этому же периоду относится первое посещение поэтом имения Чернь. Дружеское сближение между Жуковским и Плещеевым началось лишь во второй половине 1811 г., о чем свидетельствует октябрьское письмо Жуковского к П.А. Вяземскому: «Я никогда не думал, чтоб можно было мне познакомиться с Плещеев<ыми> коротко и дружески — теперь этому верю, и радуюсь, что моя дикость не помешала мне познакомиться с ними так, как со многими другими» [5, т. 15, с. 134].

² В показаниях А.А. Плещеева 1-го Следственной комиссии говорилось, что в доме родителей он изучал «некоторые языки, географию, историю и математику» (Восстание декабристов: документы / подгот. К.Г. Ляшенко, С.А. Селиванова. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. С. 59). Поэтому можно предположить, что Жуковский исполнил просьбу владельца Черни.

³ Имеются в виду А.И. Плещеева и, возможно, кто-то из незамужних тетушек ее мужа (Е.И. и М.И. Протасовы).

<2>

А.А. Плещеев

17 февраля 1812 г. Чернь

Вот, любезный друг, сейчас я получил кучу зазывных билетов от толстых для доставления разным знатным особам¹; но так как я ничьим почтмейстером быть не хочу, то прочие все билеты отослал к ним назад, а твой, как принадлежащий другу милому, взялся доставить и доставляю.

Завтра и в понедельник к вам туда, думаю, дней на шесть и более, только не долее воскресенья.

Прости, любезный, обнимаю тебя крепко-накрепко — верь моей дружбе, привязанности и даже *всякого рода честности*.

Твой верный

Александр Плещеев.

Чернь.

Сего февраля 17-го² 1812.

Целуй много ручек за меня.

¹ По-видимому, речь идет об Илье Андреевиче (1757-1820) и Пелагии Николаевне (урожд. кж. Горчаковой; 1762-1838) Толстых, деде и бабке Льва Толстого, живших в имении Поляны Белевского уезда Тульской губ. «Куча зазывных билетов <...> для доставления разным знатным особам», о которых пишет Плещеев, свидетельствует о том широком образе жизни, который вели Толстые в своем имении. См. следующее письмо (<3>), где говорится об единственном их сыне, отце Льва Толстого.

² В дате «февраля 17-го» цифра «1» смазана или же жирно обведена, что придает ей вид кляксы. То, что это именно «17-е», подтверждает сообщение о намерении Плещеева приехать в Муратово: «Завтра и в понедельник к вам туда, думаю, дней на шесть и более» (так, в феврале 1812 г. это могла быть только суббота 17-го). В адресе на письме «Маремьяну Даниловичу Жуковятникову» Плещеев использовал псевдоним Жуковского из заглавия его стихотворения «Елена Ивановна Протасова, или

Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада, предложенная на русские нравы Маремьяном Даниловичем Жуковятниковым...» (1811); в заглавии упоминался и автор «критических примечаний», «издатель Александр Плещепупович Чернобырсов» (т. е. Александр Плещеев), которому принадлежали все французские куплеты [5, т. 1, с. 560–564]. Февральская поездка Плещеевых была, по-видимому, приурочена к возвращению из Москвы Е.А. Протасовой и ее дочерей, что также напоминало о балладе «Елена Ивановна Протасова...», чей лейтмотив — нетерпеливое ожидание Екатерины Афанасьевны: «Собирайтесь же в дорогу! // Встретит радостно зело // Вас — Муратово село!» [5, т. 1, с. 175]. Вот почему датировку «греческой баллады»: ноябрь–декабрь 1811 г., — вероятно, следует расширить: не позднее января 1812 г., поскольку пребывание Плещеевых в Муратове могло быть связано с первым исполнением «Елены Ивановны Протасовой...» (отметим, что музыка Плещеева не сохранилась).

<3>

А.А. Плещеев

2 марта 1812 г. <?> Чернь

Любезный друг мой, наконец мы опять в Черни¹, и вы в благодарность за такое наше домоседство прислали нам самые дурные вести, то есть известие о нездоровье милой тетушки. — Божусь тебе, друг мой, что если бы не сильная моя простуда, которая лишила меня голоса, и заставляет обо всем говорить по секрету, то бы, конечно же, я сегодня же был в Муратове. — Что мне тебе сказать? Все идет по-старому, кроме того, что я у толстых сделал доброе дело: уговорил сына отложить на год военную службу²! слезная благодарность сих стариков была для меня наименее приятнейшей наградой... Ты любишь добрые дела, для того тебе это и рассказываю... Да еще и для того, чтоб ты, плут, имел о мне хотя в некотором отношении хорошее мнение.

Как ты думаешь, исполнит ли Бог мою молитву? А я прошу его вот о чем:

1-е. Чтоб милая тетушка была уже теперь здорова; 2-е. Чтоб бы скорее каким бы то образом ни было, увидались. 3-е. Чтоб ты хорошенько за меня поцеловал ручки у всех тех, кто меня помнит, разумеется, музыкальным манером: *Crescendo!* Кто больше помнит, того ручку крепче целовать.

А я вить весь твой

А. Плещеев.

2-го марта.

А 6-го Гришино рождение³.

¹ Датируется предположительно по связи с письмом от 17 февраля 1812 г. (см. <2>) о поездке Плещеевых в Муратово, после которой они, по-видимому, заехали и в другое имение.

² Речь идет о графе Николае Ильиче Толстом (1794-1837), единственном сыне И.А. и П.Н. Толстых, отце Льва Толстого (см. письмо <2>, примеч. 1). Благодарность родителей, которую вызвал Плещеев уговорами отложить вступление на военную службу восемнадцатилетнего юноши, была связана со всеобщим пониманием близости войны с Наполеоном I Бонапартом. Тем не менее, вскоре, в июне 1812 г., Н.И. Толстой записался в ополчение.

³ Сын Плещеева Григорий родился 6 марта 1805 г.

<4>

А.А. Плещеев

<3 марта 1812 г. <?> Чернь>

Любезный брат и друг! Как по вас грустно, мои милые! А до вторника еще дни два, да еще Бог знает, какой будет Сашка, каково будет время!¹ — Хорошо было и пожить вместе; но зато грустны и розни! К хорошему как-то очень скоро привыкаешь! — А ты, милый друг, пиши — и пиши все с одною целью, тогда от цели родится надежда, от надежды бодрость, от бодрости вдохновение, от вдохновения довольность самим собою, от довольности веселость, от веселости надежда, от надежды бодрость... и опять то же кругом. — А у меня родилась давно уже к тебе дружба, и она ни во что не обратится, все будет дружба да дружба, разве только с той разницею, что из маленькой девочки сделалась она бабища-дружища. — Прости, друг милый и брат. — Целуй ручки; пухлых губ не целуй!

Весь твой обнимательный

А.П.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Et moi je dirai à notre bon frère que Dieu est trop juste et trop bon pour ne pas réaliser un jour notre espérance et le vœu le plus cher de mon cœur. Si mon domestique ne peut trouver le moment de remettre mon paquet à M<arie> je vous prie donner le lui. Adieu, au revoir.

<Перевод:>

А я скажу нашему дорогому брату, что Бог слишком справедлив и добр, чтобы не исполнить однажды нашу надежду и мое самое сердечное пожелание². Если мой человек не успеет передать мою посылку М<арии>, прошу вас отдать ее ему. Прощайте, до свидания.

¹ Письмо связано с приглашением Жуковского на день рождения сына Григория, прозвучавшем в предыдущем письме. Замечание «Бог знает, какой будет Сашка», скорее всего, относится к заболевшему Плещееву.

² Вероятно, речь идет об осуществлении брачных планов Василия Андреевича. Далее А.И. Плещеева говорит о возлюбленной поэта — М.А. Протасовой.

<5>

А.А. Плещеев

<Последние числа мая <?> 1812 г. Чернь>

Любезный мой Жуковятников!

Поздравляю тебя с рождением того именинника¹, который верно будет когда-нибудь... что-нибудь! Это слова той цыганки, которая в принужденной женитьбе мне рога предсказала², а тебе велела меня любить и верить моей к тебе дружбе. Между тем посылаю я тебе платочки³, которые прошу носить и, как говорится, меня не забывать. — Завтра у нас Соловаго маскерад⁴. — Ах, если бы ты сочинил речь волшебнику⁵, которого текст есть: Кушать поставили. А всего бы лутче, если бы ты сам приехал. Тебя *многие* желают и крайне вздыхают по твоём отсутствию. Прости, любезный и милый человек. Поцелуй ручки всех тех, кои меня в Муратове любят. Лёля сделал тебе кофетные стихи. Каналья! Весь в отца! Так и режит... глупости. Обнимаю.

¹ Письмо датируется по упоминанию в нем Плещеевым своего дня рождения (1 июня), шутовому именованию Жуковского «Жуковятниковым» (см. <2>, примеч. 2) и отсылке к его стихотворению «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения», написанному 21 апреля 1812 г. Ср. фрагмент письма: «Лёля сделал тебе кофетные стихи. <...> Весь в отца! Так и режит... глупости», — с возванием поэта к Александру Алексеевичу в «Послании...»: «Любезен твой конфетный Аполлон! // Но для чего ж, богатый острою, // Столь небогат рассудком здравым он?» [5, т. 1, с. 179]. В письмо вложены «стихи для Василья Андреевича» рукой Лёли (Лёля), т. е. сына Плещеевых Алексея: «Вы для меня лутший человек, // Я буду вас любить весь мой век».

² Речь идет о комической опере Плещеева «Принужденная женитьба», поставленной в 1819 г. (см. вступ. ст.). Либретто было создано по пьесе Ж.-Б. Мольера «Брак поневоле» (*Le Mariage forcé*, 1664), которую Александр Алексеевич и русифицировал. В этом письме он относит к себе прозвучавшее в сочинении французского комедиографа высказывание цыганки, что гадает герою, которому суждено стать жертвой кокетки, принуждающей его к браку: «...из человека с таким лицом что-нибудь когда-нибудь да выйдет» (*Мольер Ж.-Б. Брак поневоле* / пер. Н.М. Любимова // *Мольер Ж.-Б. Комедии* / вступ. ст. и примеч. Г.Н. Бояджиева. М.: Худож. лит., 1972. С. 70). Впервые изданная в русском переводе В.Е. Теплова в 1779 г. под названием «Принужденная женитьба», комедия фигурировала под ним же в дореволюционной России и в дальнейшем. Либретто никогда не издавалось, поэтому об этом сочинении, хранящемся в нотной библиотеке одного из петербургских театров, можно судить только по работе советских музыковедов [4, с. 62–65]. Как и во всех русских операх того времени, музыкальные номера в «Принужденной женитьбе» перемежались с разговорными сценами, однако они в партитуре не сохранились.

³ Ср. с записью в орловском дневнике семейства Протасовых и А.П. Киреевской за август-октябрь 1812 г.: «Анна Ивановна, узнавши, что у бедного нашего друга Жуковского нету носовых платков, стала ему кроить из своего полотна» [10, с. 673].

⁴ Федор Николаевич Петрово-Соловово (1763–1826) и его жена Анна Григорьевна (1785–1821), урожденная княжна Щербатова.

⁵ По-видимому, намек в очередной музыкальной пьесе Плещеева на живущего в его доме гувернера-швейцарца Ж.-Э. Визара (*Jean-Elie Wisard*, 1765–1828), чье имя по-английски означает «волшебник» [5, т. 1, с. 564, 672].

<6>

В.И. Губарев, Ш. Моро де ла Мелтиер, О.П. Букильон, А.А. Плещеев
27 июля 1812 г. Орел

<В.И. Губарев¹:>

Вот тебе, любезный друг, подорожная², за которую ты мне должен 25 рублей.

Поздравляю тебя, мой друг! И подлинно ты хорошо вздумал! — Надо служить Отечеству! Я видел и мундир Московского ополчения³! видел Бодиско козака⁴! — Да еще полицейского офицера, который вошел в козаки. Славной мундир! Какие киверы! с мехом! право с мехом! и в мехе вензель. — Славные киверы! — А сабли? — Сабли стальные! славные сабли! — У офицеров пистолеты! большие такие! однако, брат, пистолеты у седла в ташках, а на себе их не носят. Мундир синий, с разными лацканами: у кого голубые, у кого красные⁵! — Дай Бог тебе счастья, любезный друг! Прости и помни нас! — А я тебе пою:

Vous me quittez, pour aller à la gloire^{6}* — и проч. и прочие конфеты.

Известие твое о победах оказалось верно. *Volte subito^{**}*.

Goubareff.

Не правда ли, мой друг, что человек располагает и пр. Думал тебя видеть и узнаю, что ты едешь в Москву; правда! Польза отечества того требует, и мы расстаемся.

Сожалею, очень сожалею, что тебя не увижу; а я еду к Плещееву в Чернь, к нему же.

Прощай, люби меня.

В. Губарев.

<Ш. Моро де ла Мелтиер:>

Que viens-je d'apprendre, mon cher Joukoffski; vous nous quittez pour voler à la gloire? Je vous reconnais bien à ce noble courroux. Et je vous pardonne désormais tous les griefs que j'avais contre vous. Tâchez cependant de nous revenir au plutôt et surtout que les intérêts de votre patrie ne vous fassent pas oublier vos amis. Je vous donne ma bénédiction et vous embrasse de toute mon âme.

C. Moreau.

<Перевод:>

Что я узнала, мой дорогой Жуковский; вы покидаете нас ради славы? Узнаю вас по благородному гневу. И прошая вам отныне все мои нарекания в ваш адрес⁷. Постарайтесь, однако, поскорее вернуться к нам, и, радея об интересах вашей отчины, не забывайте ваших друзей. Благословляю вас и обнимаю от всей души.

Ш. Моро.

<О.П. Букильон⁸:>

Est-il bien vrai? Votre incertitude est finie, mais à notre désavantage, puisque nous vous perdons. Consolez nous, mon cher ami, en nous laissant l'espérance vous revoir bientôt parmi nous bien dédommagé du sacrifice momentané que vous faites — adieu, bon voyage et bon succès — tout à vous

Bouquillon.

<Перевод:>

Так это правда? Ваши сомнения закончились неблагоприятным для нас образом, поскольку мы лишаемся вашего общества. Успокойте нас, дорогой друг, оставляя нам надежду скоро видеть вас в нашем кругу, и пусть вам воздастся за ваше самопожертвование — прощайте, благополучного пути и успеха — весь ваш

Букильон.

<А.А. Плещеев:>

Pieds et poings liés

C'est avec soumission que je suis au désespoir de la perte que je fais. Cependant écrivez moi jusqu'au dernier soupir. Votre <ami***> <?> et dévoué

<нрзб.>

Le 27 juillet 1812.

<Перевод:>

Связанный по рукам и ногам

С покорностью и отчаянием принимаю разлуку. Однако ж, пишите мне до последнего вздоха. Ваш <друг> <?> и преданный

<нрзб.>

27 июля 1812.

⁷ Вы покидаете меня ради славы (*франц.*).

⁸ Возвращайся скорее (*итал.*).

^{***} Дефект текста.

¹ Воин Иванович Губарев (Губарёв) (1781 – ок. 1868) — соученик Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону, помещик Кромского уезда Орловской губернии (см. о нем в: Архив братьев Тургеневых. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А.С. Кайсарову и братьям в Геттинген: [1805–1811 гг.] / введ. и примеч. В.М. Истрина. С. 48–49). И.С. Тургенев в «Литературных и житейский воспоминаниях» (1867–1869) дал колоритный портрет Губарева, который был своим человеком в доме его матери (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / гл. ред. М.П. Алексеев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1983. Т. 11. С. 69–70).

² Подорожная — свидетельство для проезда, выдавшееся в полиции и удостоверявшее право пользования почтовыми лошадьми. Письмо было адресовано в Муратово и представляло собой ответ на несохранившееся письмо Жуковского в Орел о его вступлении в Московское ополчение.

³ Формирование Московского ополчения началось после манифеста Александра I от 6 июля 1812 г. с воззванием к жителям Москвы стать зачинателями народного вооружения. Жуковской был принят в ополчение поручиком 10 августа 1812 г., награжден чином штабс-капитана и орденом св. Анны 2 класса 6 ноября 1812 г., уволен от службы в связи с роспуском ополчения 20 декабря 1814 г. [5, т. 14, с. 413].

⁴ Имеется в виду К.А. Бодиско (1791–1860), поступивший в 1812 г. из статской службы в 3-й Украинский казачий полк корнетом. В тот же казачий полк вступил и А.А. Алябьев, который в 1812 г. побывал в имении Плещеева Чернь и с которым, вероятнее всего, был знаком В.И. Губарев.

⁵ В.И. Губарев описывает мундир офицера Украинского казачьего войска (по-видимому, после встречи в Орле с К.А. Бодиско и с неким «полицейским офицером, который вошел в казаки»): темно-синий полукафтан, лацканы голубые в 3-м полку, красные во 2-м полку, шапка из черного медвежьего меха, под вальтрапом (т. е. под чепраком) два пистолета в кобурах (см. у Губарева: «...пистолеты у седла в ташках, а на себе их не носят»). Отрывок о мундирах был напечатан А.Н. Глузовым [3, с. 50], приписавшим его Плещееву, со следующим комментарием: «По литературному стилю Плещеев приближается здесь к прозе Гоголя (описание бекеша Ивана Ивановича), предвосхищая его манеру лет на пятнадцать-двадцать» [4, с. 36]. Однако у Губарева был иной стилистический ориентир — традиция использования слова «славный» в русской сатире, ярко проявившаяся в творчестве Н.И. Новикова (например, в журнале «Живописец», 1772–1773).

⁶ Первая строка романа Н.-Ш. Бокса (*Nicolas-Charles Bochsa*, 1789–1856) «Прошание» (*Les adieux*, 1810), приписывавшегося Г. Бонапарт (*Hortense de Beauharnais*, 1783–1837), урожденной де Богарне, королеве голландской, падчерице Наполеона I.

⁷ Ш. Моро де ла Мелтиер (1777–1854), переводчица, жена французского эмигранта, в начале 1812 г. жившая с семьей в Муратове, имеет в виду хлопоты о месте для ее мужа [5, т. 15, с. 703], которые со стороны Жуковского и его друзей не были успешными. Русскоязычную публикацию приписки Моро де ла Мелтиер с ошибочным отнесением ее к А.И. Плещеевой см. в: [3, с. 101–102].

⁸ Осип Петрович Букильон (ок. 1775 – после 1831) — см. о нем во вступ. ст.

<7>

А.А. Плещеев

5 ноября <1812 г.> Чернь

Село Чернь. Сего <ноября>¹ 5-го.

Три письма уже от тебя, милый друг, получили; и ты так тихо подвигаешься, что и последнее из Калуги; одного я надеюсь, что одна вьюга и недостаток в лошадях тебя задерживает; сохрани Бог, если нездоровье! — Как ты несчастлив на служителей! Яков твой² вчера явился ко мне, и ты теперь опять без человека! — Тебя в Армии уже и ждать перестали, и очень бы ты умно сделал, если бы остался здесь с нами! Так мне по тебе грустно, что ты и вообразить не можешь; особливо же от того, что письма твои так печальны и что и без писем я могу вообразить, каково тебе. — Ты нас полагаешь в Орле и ошибаешься; после тебя дорога так испортилась, что никак иначе как в легких санях ехать невозможно.

Ты узнаешь о смерти бедного Киреевского³ и верно будешь крепко беспокоиться о тетушке, о сестрах. — Слава Богу! они перенесли это несчастье по сих пор довольно хорошо. Тетушка здорова! — Завтра, если здоровье Авдотьи Петровны позволит, они переезжают в Муратово; мы уговариваем их крепко в Чернь; но мало надежды, чтоб согласились. — Как скоро узнали мы, что Вас<илия> Иван<овича> не стало, в те же четверть часа двое с моей Анной Иван<овной> отправились в Орел, где пробыли часов шесть, и вчера в седьмом часу поутру к Льолиным именинам⁴ явились опять в Чернь; однако целую ночь мы плутали, теряли дорогу. — Ради Бога, милой друг, если есть какой-либо способ, то выкарабкайся из Армии. Что тебе там делать? Здесь ждут тебя два твои семейства, которые, право, не могут быть без тебя совершенно счастливы. Как можно, для каких-либо странных идей чести или черт знает чего (досадно ей-богу!) жертвовать бесполезно всем!.. Здоровьем и проч. О Боже мой! Когда люди будут только то, что они есть! Когда перестанут самих себя обманывать и всячески ухищряться, как бы получше себя помучить и других; когда *Да!* будет *Да*, а *нет* — *нет*. Когда сердце будет на языке? — Когда?.. Когда?.. Le chapitre des *когда* ne finirait jamais si l'on voulait se laisser aller. — Et qu'est-ce que la guerre elle-même et qu'est-ce que lui cela <нрзб.>. La seule chose dont je suis bien sûr c'est cette amitié vive et sincère que je vous ai voué pour la vie! — Franchement, cette amitié est forte quoiqu'elle se soit formée assez rapidement*. — Прости, любезный друг; уступлю место Анне Иван<овне>. Совестно и у нее отнять удовольствие сказать тебе, сколько мы тебя

любим. — Прости! обнимаю тебя, право не только мысленно, но душевно! — Твой верный

А. Плещеев.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Oh, oui mon ami, revenez auprès de vos bien véritables amis. Vous savez déjà la perte qu'a fait la pauvre M-de Kirievsky: au bout de 12 jours il est mort d'une terrible fièvre chaude. Ma pauvre tante et mes bonnes, mes excellentes cousines l'ont soigné. Elles sont un peu fatiguées, mais elles se portent bien, grâce à Dieu, la pauvre veuve est très malheureuse, elle pleure beaucoup, ce qui la soulage; soyez tranquille, elles reviennent demain à Mouratova. Nous les quitterons le moins possible. Elles ont déménagé tout de suite après la mort du défunt dans la maison de Solovoi qui a très bien agi. Combien vous nous manquez, revenez, croyez moi <?> что право грустно мочи нет. Écrivez nous souvent, c'est un <très?> grand plaisir pour nous quand nous recevons de vos nouvelles. Voyez mes <?> inquiétudes pour ma tante et mes cousines. Elles se portent toutes trois bien, mais la mieux portante et la plus raisonnable est celle de qui on pouvait le moins attendre. C'est ma bonne Marie, elle se ménage et me donne sa parole d'honneur de se ménager. Je leur fait porter à toutes les deux de l'aide et de l'amitié. Adieu notre excellent ami, mon bon Alexandre et moi, nous vous aimons comme un véritable frère. Alexei <vous> embrasse ainsi que tous les autres. Marie parle constamment de vous. Adieu, Бог с вами.

<Перевод:>

Да, друг мой, возвращайтесь к вашим верным друзьям. Вы уже знаете об утрате бедной г-жи Киреевской: спустя 12 дней он (В. И. Киреевский. — *Н.Д.*) умер от страшной горячки. Моя бедная тетушка и мои добрые, прекрасные кузины ухаживали за ним. Они немного утомлены, но здоровы, с Божьей помощью, бедная вдова очень несчастна, много плачет, что приносит ей облегчение; не беспокойтесь, завтра они возвращаются в Муратово. Мы будем расставаться как можно реже. После кончины усопшего они переехали в дом Соловово⁵, который поступил очень благородно. Как нам вас не хватает, возвращайтесь, поверьте мне <?>, [что право грустно мочи нет]. Пишите часто, для нас <огромное?> удовольствие получать от вас новости. Я <?> беспокоюсь за тетушку и кузин. Они все трое в добром здравии, но та, которая здоровее и разумнее всех, — та, от которой менее всего можно было этого ожидать. Это моя добрая Мари, она бережет себя и дает мне честное слово и дальше себя

беречь. С дружеским участием стараюсь быть полезной им обоим. Прощайте, прекрасный наш друг, мой добрый Александр и я любим вас как брата. Алексей обнимает <вас>, как и все остальные. Мари постоянно говорит о вас. Прощайте, [Бог с вами].

* Вопрос [когда не] закончится никогда, если ничего не предпринимать. — И что сама война, и что ему это <нрзб.>. Единственное, в чем я уверен, это моя живая и искренняя дружба с тобой на всю жизнь! — Говорю тебе чистосердечно, эта дружба крепкая, хотя и завязалась быстро (*франц.*).

¹ В автографе ошибка: «Сего октября 5-го». Месяц исправлен по сообщению в письме о смерти В.И. Киреевского. Письмо представляет собой ответ на три не сохранившихся письма Жуковского к Плещеевым, написанных после того, как он вновь отправился на службу после своей командировки. Приехав в Орел 10 сентября 1812 г., Василий Андреевич затем месяц (с 21 сентября) жил у Плещеевых. Из трех его писем в Чернь за последнюю декаду октября – первые числа ноября 1812 г. два последних были, как пишет Плещеев, «из Калуги», что к этому времени было тылом русской армии. В Черни Жуковский работал над «Певцом во стане русских воинов» (1812). О музыке Плещеева к «прославленной впоследствии поэме» (к настоящему времени утрачена) см.: [4, с. 35–36].

² Яков Шкаров — слуга Жуковского.

³ Муж А.П. Киреевской (во 2-м браке — Елагиной, 1789–1877) В.И. Киреевский умер 1 ноября 1812 г. 6 ноября Авдотья Петровна с детьми уехала из Орла в Мура-тово.

⁴ Речь идет об именинах сына Алексея, праздновавшихся 4 ноября. Он был старшим сыном Плещеевых и родился, согласно метрической записи, 1 ноября 1801 г. [1, с. 162], т. е. через три года после их венчания. Это развеивает предположения, будто именно Алексей был сыном Плещеевой, прижитым ею не от мужа (так, о ребенке, родившемся в 1799 г., сведений не имеется). В следственном деле Плещеева 1-го, члена Северного общества и петербургской ячейки Южного общества, год рождения не указан, поэтому он определяется декабристами приблизительно временем «ок. 1800» (Декабристы: [Биографический справочник] / изд. подгот. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 143). Между тем, в показании Алексея Следственной комиссии содержится сообщение, по которому можно определить год его рождения, причем он точно совпадает с метрической записью. По сообщению Плещеева 1-го, до пятнадцати лет он безвыездно жил в родительском доме, после чего приехал в Петербург и был принят в Корпус инженеров путей сообщения, что оставил через год, поступив в лейб-гвардии Конный полк (Восстание декабристов: (Документы) / подгот. К.Г. Ляшенко, С.А. Селиванова. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. С. 59). Все было именно так: в августе 1817 г., когда Алексей приехал с отцом в столицу, ему было еще пятнадцать лет.

⁵ См. <5>, примеч. 4.

<8>

А.А. Плещеев

1 декабря 1812 г. Орел

Орел. Сего декабря 1-го 1812-го.

Здравствуй, любезный и милый друг!

Грустное твое письмо мы получили¹. Как я обманулся! Я почти уверен был, что ты как-нибудь постараешься сюда приехать; но

видно так и быть! Ты не велишь и звать себя... так лучше молчать, а досадно! — Ты не поверишь, как Льоля о тебе грустит! Вчера у тетушки был колдун и ворожил на картах, он тотчас попросил, чтоб ему загадали о друге его Жуковском... Предсказания все были прекрасные, но, что всего более Льолю порадовало, было то, что ты здоров и помнишь его. — Хотел к тебе писать и писал; но позабыл письмо в Черни, для того его не посылаем; он написал было письмо предлинное², но вдруг остановился и говорит: *Я боюсь писать к нему длинное письмо!.. Пока он будет забавляться читать его, не будет смотреть ни направо, ни налево; вдруг французы окружат его, возьмут в плен.*

Милый друг! авось все скоро кончится! Авось будем скоро все вместе! Давай надеяться! Мы сегодня переправляемся в Чернь. Тетушка завтра в Муратово. — Они, кажется, здоровы и гораздо покойнее! Нельзя им не быть счастливым! Они здесь столько добра наделали, что никто об них без слез говорить не может³. Прости! обнимаю тебя крепко. — Твой верный друг

А. Плещеев.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Quand nous reverrons nous mon cher et aimable ami, страх как грустно. Nous avons passé une semaine ici avec ma bonne tante et mes excellentes cousines. Elles se portent toutes bien, M-de K.<irievsky> est aussi plus tranquille. J'espère que nous serons souvent ensemble ou à Tchern ou à Mouratova, nous parlons continuellement de vous, du temps où nous serons réunis. Plût au Ciel qu'il arrive bientôt. J'avais préparé différentes petites provisions pour envoyer à notre ami par Яков, mais on a toujours dit qu'il ne partirait pas de sitôt et dans ce moment seulement j'apprends qu'on l'expédie aujourd'hui, je fais prier ma tante de l'envoyer par Tchern pour pouvoir vous envoyer quelque chose de bon à manger. Finissez donc vite vos affaires à l'armée et revenez, mais pour ne plus repartir. Adieu mon aimable et bon Joukowsky. Aimez nous, car personne ne vous aime comme les habitants de Tchern.

Je vous remercie infiniment de votre bon souvenir. Recevez l'assurance de mon amitié et du désir bien sincère de vous revoir parmi nous.
<нрзб.>

Voilà <?> des nouvelles d'ici: Apouchtin a fait des propositions en formes à la P-<rincesse> Scherbatoff. Elle le refusa à ce que l'on dit, mais elle fait terriblement les coquettes et toute la famille le veut. Du reste rien de nouveau. Adieu mon cher et bon ami. Mes enfants vous embrassent.

<Перевод:>

Когда же мы увидимся, дорогой и любезный друг, [страх как грустно]. Мы провели здесь неделю с моей доброй тетушкой и моими прекрасными кузинами. Они все в добром здравии, г-жа К<иревская> тоже стала спокойнее. Надеюсь, что мы вместе будем часто проводить время или в Черни, или в Муратове, мы все время говорим о вас, о времени, когда соединимся. Дай Бог, чтоб это случилось скоро. Я приготовила разные небольшие посылочки, чтобы послать нашему другу (Жуковскому. — С.Б., Н.Д.) с [Яковом], но мне все время говорили, что он не скоро отправится, а сейчас я узнала, что его отправляют сегодня, я прошу тетушку послать его через Чернь, чтобы передать вам чего-нибудь вкусного. Заканчивайте скорее ваши дела в армии и возвращайтесь, и больше не уезжайте. Прощайте, мой любезный добрый Жуковский. Любите нас, поскольку никто не любит вас так сильно, как жители Черни.

Бесконечно благодарю вас за добрую память. Примите уверение в моей дружбе и искреннем желании видеть вас среди нас. <Нрзб.>

Вот <?> здешние новости: Апухтин сделал официальное предложение к<няжне> Щербатовой⁴. Как говорят, она ему отказала, но она ужасная кокетка, а вся семья желает этого брака. Больше ничего нового. Прощайте, мой дорогой и добрый друг. Мои дети вас обнимают.

¹ Письмо Жуковского не сохранилось.

² Известны два детских письма Алексея Плещеева к Жуковскому 1812 г. Первое письмо: «Милый мой друг. Скучно без вас, мне беспокоино, если вы в Армии. Я бы хотел, когда вы приедите туда, то чтоб за вашу храбрость получить <вам> чин Капитана. Хорошо бы было, если б вы убили Французского императора. Мне очень жаль, что я мал. Я бы дрался подле вас, мы бы шли вместе как Гастон и Баяр. Я вас люблю, как Баяр любил Гастона, но наша любовь сильней их. Я вас люблю, как Кастор любил Полюкса, как Пилад любил Ореста, все эти не так любили друг друга, как я вас люблю. Мой друг, будь уверен, что сколько моя жизнь будет продолжаться, то все не позабуду вас и все любить вас буду. Если б я мог драться с вами? Ах! жаль! жаль! в армию не могу идти, мы друг друга <так!> спасли бы жизнь. <...> Прощай, любезный друг, будь здоров. Твой верный друг Алексей Плещеев. <Приписка второго сына Плещеева Александра:> И я вас тоже очень люблю. Саша»; второе письмо: «Mon cher ami, je vous demande des nouvelles de votre santé? Et je serai enchanté, si j'apprends que vous avez tué un ennemi. Je vous aime et je vous aimerai toujours. Votre ami Alexis Plestheyeff» (перевод с *франц.*: «Мой дорогой друг, я спрашиваю вас, как ваше здоровье? Я буду в восторге, если узнаю, что вы убили врага. Я люблю вас и всегда буду любить. Ваш друг Алексей Плещеев») (РО ИРЛИ РАН. № 28208. Л. 1–1 об.).

³ Речь идет о сестрах Протасовых и их матери.

⁴ Княжна Е.Г. Щербатова (1786–1848), вышедшая замуж за Г.П. Апухтина (1774–1834), богатого орловского помещика. Сообщение об этом браке могло быть интересно Жуковскому, поскольку Апухтин ранее делал предложение М.А. Протасовой. В орловском дневнике Протасовых за август–октябрь 1812 г. есть упоминание о том, какой испуг вызвала у Маши новая встреча с ним в кругу своей семьи [10,

с. 678, 681]. Услышав в октябре 1812 г. о помолвке Щербатовой, Саша написала, что «она будет несчастлива» [10, с. 685].

<9>

А.А. Плещеев

7 декабря 1812 г. Чернь

Чернь. Сего декабря 7-го 1812¹.

Ты не поверишь, милый друг, как твои письма у нас принимают-ся, как мы их ждем, как нам всякий курьер, который их привозит, ка-жется перьвым красавцем; и даже как, несмотря на лень, самому мне приятно, или лучше сказать, нужно к тебе писать! — Но несмотря на это... *писать* грустно к тому, с кем хотелось бы *говорить*. — Итак, ты теперь, по крайней мере, в деле... и в деле по твоему вкусу. — Щемит, брат! (скажу я, как Текутьев²) щемит! Говоря, что стихи твои писаны в чаду смрадной избы! — видно, муза твоя баба русская; не боится дыму, и все так же верно тебе служит, как и в чистых комнатах! —

Я мнил... и проч.

Что был сокрыт вселенныя предел
В твоей главе, венчанной сединою.

Или:

И норд и юг поток сей наводнил!

Или:

Еще удар... и всей земле свобода,
И нет следов великого народа!

Нет, милый друг! Такие стихи не пахнут чадом!.. А если чадом, то Гиппокренным.

Ты ничего не говоришь о «Певце в русском стане»³... О «Пьяной песне»⁴... Я о музыке уже не говорю; ибо знаю, что Наполеон бежит так скоро, что не даст музыкантам и пюпитров разложить...

О Чичагов! Неужели все от него испортилось? Неужели?.. Неужели быстрый Платов⁵ его не догонит?..

Se pourrait il que ce lion terrible
Qu'Alcide allait écraser dans son sein
Encore vivant nous échappe soudain
Comme une anguille et gluante et flexible?^{6*}

Excuse mon ami ce petit impromptu tragi-comique. C'est la vignette qui se trouve à la tête de vos vers qui m'en a donné l'idée dans ce moment. Il serait vraiment dommage... Que dis-je? Il me serait affreux de penser que le mal commis par Tchitcha⁷: ... Soit irréparable et que l'oiseau puisse s'envoler sans avoir au moins les ailes bien rognées!*

Ты не велишь звать себя! Невозможно, любезный друг! Право, невозможно! — Один год нашего дружеского с тобой знакомства привязал нас к тебе более, нежели ты вообразить можешь... Место твое... у нас... (*Милое твое же выражение!*) Место твое до твоего возвращения всегда будет пусто; мы наполняем его часто, очень часто воспоминаниями о тебе... и все они печальны, потому что кроме грусти быть розно с тобою... знаешь и тебя грустного... а потом и

Hélas, dirai-je, il pleut:

Mon frère a-t-il tout ce qu'il veut,

Bon souper, bon gîte, et le reste?^{8***}

Так вот, сударь, с раздражающими-то⁹ нервами, это все и тревожит. —

Когда ж *свершат* спасительное мщенье,
.....

Уже в мечтах я вижу твой возврат!..
.....

К тебе *наш* взор, к тебе подьемлем длани.

Се он! Се он!..

Ах, батюшки! да как бы это поскорее? Да ну же? Копайтесь, что ли! Давите дурака проворнее!

Пора вкусить покоя наслажденья!

И мне пора уступить Ниночке моей наслаждению писать к тебе. — Прости! Обнимаю тебя братски, дружески... Vole et ama^{****}. — Твой верный

А. Плещеев.

Поцелуй за меня крепко милого моего Павла Вадковского¹⁰. Я право его как сына люблю.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

А я вас обоих как милых братьев. Que le Ciel vous protège mes bien bons amis. Ma tante est revenue à Mouratova. Elles se portent toutes

bien. Il n'y a que le pauvre Ваничка qui n'est pas bien, Wendrick espère pourtant que cela n'aura pas de suite. Combien votre présence nous ferait de bien mon excellent ami, nous parlons si souvent de vous mes bonnes cousines, la bonne M-de K.<irievsky> et moi, ne pourriez vous donc pas tomber malade, d'en faire le semblant au moins. Et venez vous guérir dans les bras de l'amitié: pourquoi, pourquoi retourner, que n'avez-vous suivi votre avis... Ma tante vous attendait et avec Ват<ковский> <?>. Moi seule j'étais sûre que vous ne viendriez pas, que vous ne pouvez venir. Depuis que je suis revenue d'Orel j'ai été malade. On avait craigné la rougeole chez Ваничка. Des yeux <?> je serai bien sûre que ce n'est pas cette <?> maladie, j'irai les voir, que ne puis-je être leur providence, comme je détournerai les peines, les chagrins qu'elles pouvaient avoir. Nous serons le plus possible avec ces anges. J'aime ma Marie tous les jours davantage c'est un être favorisé de Dieu et qui par conséquent doit être heureuse. Adieu mon aimable et excellent ami, Христос с вами. Portez-vous bien, revenez si vous voulez que nous soyons tous parfaitement heureux et croyez à l'amitié bien vraie, bien sincère et bien tendre de celle qui voudrait être votre sœur. Alexis vous embrasse bien tendrement et vous remercie bien tendrement pour vos charmants vers. Tous mes autres enfants vous embrassent aussi. Бог с вами. Христос с тобой, милый друг.

<Перевод:>

[А я вас обоих как милых братьев.] Да сбережет вас Небо, мои добрые друзья. Моя тетушка вернулась в Муратово. Они все в добром здравии. Только бедному [Ваничке] нехорошо, однако Вендрих надеется, что осложнений не будет¹¹. Как бы нам помогло ваше присутствие, мой превосходный друг, мы так часто говорим о вас, мои добрые кузины, добрая г-жа Ки<реевская> и я, не могли бы вы заболеть, по крайней мере, притвориться. И приезжайте выздоравливать в объятиях дружбы: зачем, зачем возвращаться, почему вы не последовали предписанию... Тетушка ждала вас и с [Ват<ковским>] <?>. Я одна была уверена, что вы не приедете, что вы не можете приехать. По возвращении в Орел я была больна. Боялись, что у [Ванички] корь. Посмотрев, <?> я была бы уверена, что это не та <?> болезнь, я поеду их повидать, почему я не могу быть их ангелом-хранителем, я бы отводила беды, огорчения, которые им грозили бы. Мы будем, насколько это возможно, рядом с этими ангелами. Я люблю мою Мари с каждым днем все сильнее, это существо, благословленное Богом, и, следовательно, она должна быть счастлива. Прощайте, мой милый и прекрасный друг, [Христос с вами]. Будьте здоровы,

возвращайтесь, если хотите, чтобы мы были абсолютно счастливы, и верьте в подлинную, искреннюю и нежную дружбу той, кто хотела бы быть вашей сестрой. Алексей вас нежно обнимает и благодарит за ваши прекрасные стихи. Все другие мои дети также вас обнимают. [Бог с вами. Христос с тобой, милый друг.]

* Возможно ли, чтобы этот страшный лев, // Которого Алкид собирался раздавить на своей груди, // Еще живой вдруг ускользнет от нас // Подобно слизкому и гибкому угрю? (*франц.*).

** Извини, друг мой, за этот маленький трагикомический экспромт. Это виньетка перед твоими стихами подсказала мне его идею. Было бы очень жаль... Что я говорю? Мне было бы страшно подумать, что зло, совершенное Чичей: ... Окажется непоправимым, и птица сможет улететь, да еще и с неподрезанными крыльями! (*франц.*).

*** Чуть тучка лишь над головой, // Я буду говорить: ах! где-то братец мой? // Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья! (пер. с *франц.* И.А. Крылова: *Крылов И.А. Два Голубя // Крылов И.А. Басни / изд. подгот. А.П. Могилянский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 29–30.*

**** Будь здоров и люби <меня> (*лат.*).

¹ Ответ на неизвестное письмо Жуковского, по-видимому, от первых чисел декабря 1812 г., с которым было послано отдельное издание его послания «Вождо победителей: (*Писано после сражения под Красным*)», выпущенное, как значилось на нем, «в походной тип<ографии> штаба Кутузова при главной квартире русской армии, в селе Романове» под датой: «1812 года. Ноября 10» [5, т. 1, с. 607] (так, сражение русских с французами под Красным произошло 7–10 ноября 1812 г.). Поскольку не сохранилось ни одного экземпляра этого издания, особую ценность приобретает указание в письме Плещеева на особенность его художественного оформления, а также сообщение об обстоятельствах создания послания «Вождо победителей...». Далее Александр Алексеевич цитирует из него стихи: 15, 17–18, 35, 62–63, 73 (вариант: «Когда ж *свершит* спасительное мщенье...»), 76, 79 (вариант: «К тебе *наш* взор, к тебе подъемлем длани...»), 80 (вариант 1-й половины стиха: «Се он! Се он!...»), 87 (вариант: «Пора вкусить покоя наслажденья!») [5, т. 1, с. 245–247].

² Д.Ф. Текутьев — орловский помещик. В дневнике Протасовых за август-октябрь 1812 г., по-видимому, именно с его фамилией следует связать часто упоминаемого посетителя их семьи по имени «Дмитрий Фед<орович>» [10, с. 676].

³ Вопрос связан с ожиданием выхода из печати «Певца во стане русских воинов» Жуковского. Фактически это стихотворение вышло из печати и в отдельном издании, и в журнале «Вестник Европы» в феврале-марте 1813 г. [5, т. 1, с. 595–596].

⁴ Плещеев говорит здесь о «Песне в веселый час» (1809, 1812) Жуковского, имевшей несколько вариантов заглавия [5, т. 1, с. 594–595]. В списке его музыкальных произведений этот текст значится под названием «Песнь воинов. Requiem» [4, с. 71; подзаголовок, несомненно, сделан Плещеевым и относится к написанной им музыке].

⁵ Имеется в виду сражение 27 ноября 1812 г. на Березине, когда Наполеону I удалось переправиться через реку там, где был поставлен незначительный отряд армии П.В. Чичагова. Надежды на поимку Бонапарта Плещеев возлагал на атамана казачьих войск М.И. Платова, который преследовал французскую армию. Об отношении Жуковского к «проказе» Чичагова см.: [5, т. 15, с. 153, 714].

⁶ Эпиграмма Плещеева строится на сопоставлении надежд на пленение Наполеона I с мифом о Геракле (Алкиде), задушившем руками огромного немейского льва.

⁷ «Чичей» (*франц.* Tchitcha) Плещеев называет П.В. Чичагова.

⁸ Цитата из басни Ж. де Лафонтена «Два Голубя» (*Les deux Pigeons*, 1678). Отметим, что А.И. Плещеева начала свое письмо отсылкой к той же самой басне, назвав друзей «милыми братьями».

⁹ Ирритабельный (от *франц.* irritable) — т. е. раздражительный.

¹⁰ Павел Федорович Вадковский (1792–1829) — сын Е.И. Вадковской (1766–1830), урожденной графини Чернышевой, племянник А.И. Плещеевой, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка в 1812 г.

¹¹ Речь идет о шестилетнем И.В. Киреевском и орловском докторе Ф. фон Вендрихе.

<10>

А.А. Плещеев

<Первая половина февраля 1813 г. <?> Чернь>

Любезный друг, вот это уж очень грустно!¹ Поймать Томсона вместо друга²! Это, видишь, больно! А мне право нужен бы человек да и человек! — Анна Ивановна моя кашляет так, что сердцу больно; и все так упрямится, что грусть берет. — Сделай милость, уговори Марью Андреевну милую, чтобы она запретила ей ехать к вам в Орел; у ней было кашель по милости нашего любезного доктора³ совсем прошел; но сегодня было в комнате немного холоднее, и она и от того даже начала вдвое прежнего кашлять; вообрази же, если выедет на стужу? — Ей-богу, ее упрямото так для меня странно, что я даже и дружбы к Марье Андреевне в нем не вижу, а только одно удовольствие показать, что *делаю, дискать, по-своему, что хочу*. — Доктор мне сказал, что ей и в комнате надо одеваться потеплее; каково же? Помилуй!

Если у вас, Бог дал, все получше, то приезжай, милый друг, к нам поскорее; я тебе страх как рад буду. — Прости, обнимаю тебя! Поцелуй за меня ручки у всех милых людей! Ты уж сам знаешь, как эти карамели распределяются. Весь твой

А. Плещеев.

¹ Письмо датируется по упоминанию о зимней стуже и шутливому адресу, характерному для 1812–1813 гг.: «A Monsieur Monsieur Joutchcka Joukoffsky», т. е. «Милостивому государю господину Жучке Жуковскому». В тексте не упоминается приехавший к Василию Андреевичу осенью 1813 г. А.Ф. Воейков, что усиливает аргументацию в пользу отнесения письма к зимним месяцам начала именно 1813 г.

² Возможно, речь идет о стихотворении Жуковского «Гимн» («О Боге нам гласит времен круговращенье...»), которое было написано и опубликовано в 1808 г. с подзаголовком «Подражание Томпсону» [5, т. 1, с. 521–522]. Поэт послал его Плещееву с предложением написать к «Гимну» музыку. Судя по ответу последнего, он это предложение отклонил.

³ Имеется в виду Р. Фор (Raymond Faure, 1786–1850) — пленный французский доктор, который жил в имении Плещеевых.

<11>

А.А. Плещеев

<5 <?> марта 1813 г. Чернь>

Любезный друг, быв уверены, что ты не имеешь столько храбрости, чтобы приехать завтра в Чернь¹, мы и не надеялись. Только скажи нам ради Бога самым откровенным образом, какова Марья Андреевна, и не продолжает ли постное ее расстраивать? Анна Иван<овна> моя страшно о ней беспокоится. — Прости, мой милый человек, как бы хотелось тебя видеть. Сделай милость, напиши мне; как у тебя произошло с *Каменским* и какой результат? Ты сам можешь догадаться, почему, для чего, как и сколь сильно меня интересует все, что касается до твоей неприятной для меня службы². — Обнимаю тебя сильно. — А ты целуй за меня ручки; да суи больше бульону в кушанье упрямых постников.

Твой верный А.П.

¹ Вероятнее всего, речь идет о 6 марта, дне рождения сына Плещеева Григория; этот день приходился на Великий пост, начавшийся в 1813 г. 14 февраля (отсюда упоминание в письме Александра Алексеевича об «упрямых постниках» в доме Протасовых). В начале 20-х чисел февраля у них побывала А.И. Плещеева, приехавшая в Муратово, чтобы подготовить Е.А. Протасову к известию о смерти ее сестры А.А. Алымовой, скончавшейся 18 февраля 1813 г. Жуковского в Муратове не было, и Анна Ивановна написала ему оттуда письмо, рассказав о жизни его обитателей, а также о местонахождении своего семейства, остававшегося в тот момент в Орле (РО ИРЛИ РАН. № 28209. Л. 1–2 об.). Василий Андреевич вернулся в Муратово 1 марта 1813 г., о чем можно судить по его письму к М.Н. Свечиной и А.Н. Арбеневоной, двоюродным сестрам М.А. и А.А. Протасовых, от 2 марта 1813 г. [5, т. 15, с. 150–151]. Весь текст был проникнут уверениями в святости любви Жуковского к Маше и желанием подвинуть их к убеждению Е.А. Протасовой не препятствовать их браку. По-видимому, с той же целью приезжала в Муратово без семейства и Анна Ивановна.

² Речь идет об увольнении из ополчения, к которому стремился Жуковский, вернувшийся в начале января 1813 г. из Вильно на родину. Его хлопоты были начаты в феврале 1813 г. и закончены 20 декабря 1814 г., когда был дан приказ о роспуске ополчения. «Каменский» из письма Плещеева не имел отношения ни к службе Жуковского, ни к его увольнению. Александр Алексеевич, называя эту фамилию, указывал на генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, напоминая поэту о созданном им в 1809 г. стихотворении «На смерть фельдмаршала графа Каменского» и, по-видимому, выражая таким образом свое негативное отношение к сдавшему Москву вождю русской армии. Стремясь ускорить дело о своей отставке, Жуковский неоднократно обращался с просьбами к П.А. Вяземскому и А.И. Тургеневу, в письмах к которым упоминал о своей службе в военной типографии при Главной квартире [5, т. 15, с. 165–167, 233]. Подобные хлопоты и имел в виду Плещеев, называя в своем письме «Каменского», что было актуально до апреля 1813 г., т. е. до смерти Кутузова.

<12>

А.А. Плещеев

6 июня 1813 г. <?> Чернь

Здравствуй, мой милый друг, обнимаю тебя от души, от сердца, от того, сего, третьего и проч.

Напиши <так!> к нам почаще, как вы доехали!¹ — Напиши тоже, и не было ли *лишних слез* и проч.

Более всего я и Анн<а> Ив<ановна> просим тебя писать о Марье Андр<еевне>, у которой за меня поцелуй ручку, также и у милой тетушки и у милой Алекс<андры> Андр<еевны>. — Все вы милые, да и вот тебе все тут! — Напиши и о себе, весел ли ты? Здоров ли? — Да правда ли то, батюшка, будто Бонапарт <так!> умер?² Черт его побери! Бог с тобой! Прости, милый друг, когда-то увидимся!

Мастери, маккиавелируй! Чтобы недолго там вы оставались, если есть что делать, то погоняй! Нет больше дела? Опять погоняй! — Прости.

Весь твой верный А.П.

6-го июня.

¹ Плещеев говорит об отъезде Жуковского с семейством Протасовых из Черни после празднования его дня рождения 1 июня 1813 г. Проникновенный тон письма Александра Алексеевича (с адресом: «Другу Жуковскому») корреспондирует с написанными поэтом для этого праздника стихотворениями «Первое июня 1813» и «Нина к супругу в день его рождения» — своеобразным поэтическим диалогом мужа и жены, благословляющих свой союз и клянушихся в вечной любви. В комментариях к ним подчеркнута мысль о другой любовной коллизии, определившей их звучание, — это обращение Жуковского к М.А. Протасовой и ответ от ее лица [5, т. 1, с. 624–625]. Плещеев был встревожен реакцией на стихи Жуковского со стороны Е.А. Протасовой. Призыв в письме «Мастери, маккиавелируй!» есть своего рода поощрение дальнейших действий Василия Андреевича на пути к желаемому им браку, который Плещеевы поддерживали.

² По-видимому, речь идет о неких слухах вокруг Наполеона I Бонапарта.

<13>

А.А. Плещеев

16 июня 1813 г. Чернь

Вот, милый друг Жуковский, ты вить обещал скоро приехать, а не приехал, а Классен¹ всякий день спрашивает, когда ты будешь, и вообрази, как полюбил тебя, что многие штуки отлагает до твоего приезда и говорит: *Натопна потоштатъ Василий Антречь! уш изфинит! Я еко доидусь.*

Я видеть милых и неоцененных друзей наших в Черни отчаялся; то отломи хотя от них кусочик на малое время.

Светлана, несмотря на колики, подвигается до: *будто не бывали!* — т<о> есть: *Кони*².

И для того, как скоро у вас она Светлана перепишется, то прошу онаю мне прислать; дабы вписать новое³. — Прости, милый друг! Пожалуй, попробуй приехать. Право слюбится! — А между тем прошу за меня расцеловать все ручки, которые хотя и не хотят быть в Черни, однако я их очень крепко люблю.

Прости; весь твой

А. Плещеев.

Село Чернь.

Сего 1813 июня 16-го.

КОНЕЦ.

Ou

la fin coure [sic] après les puces⁴.*

* Или конец бежит за блохами (*франц.*).

¹ Немец-капельмейстер крепостного оркестра в Черни, которого Плещеев называл Классен или (чаще в шутку) Клясен [4, с. 33].

² Речь идет о сочинении Плещеевым музыки к балладе Жуковского «Светлана», работу над которой он довел до середины текста (точнее — до 143 стиха: «Кони, сани и жених...»). Музыка была написана летом 1813 г., первое исполнение состоялось 6 января 1814 г. в Черни, где пела А.И. Плещеева в сопровождении оркестра (*Соловьев Н.В. История одной жизни: (А.А. Воейкова — «Светлана»). Пг.: [Б. и.], 1915. Кн. I. С. 33*); напечатана во второй части издания «Баллады и романсы В.А. Жуковского, положенные на музыку для голоса и ф.-п. А.А. Плещеевым» (1832).

³ Текст «Светланы» в автографе и первой публикации 1813 г. имел незначительные стилистические отличия (см. подробнее в: [5, т. 3, с. 291]), тем не менее Плещеев хотел учесть все исправления Жуковского.

⁴ В конце письма, имевшего шутиливую адресацию «A Monsieur le hâneton» (*франц.* «Господину майскому жуку»), Плещеев, по-видимому, напоминает Жуковскому, во-первых, о какой-то своей несохранившейся «галиматье», некогда разыгранной в Черни, а во-вторых, о шутиливом послании поэта к М.А. Протасовой: «Нет, право, мочи нет...» [5, т. 1, с. 327]. Каких-либо оснований для датировки послания нет, и оно условно относится к январю-марту 1814 г. [5, т. 1, с. 674]. Последние слова в письме «Ou la fin coure [sic] après les puces», оформленные в виде заголовка, касаются ловли «проворных блох», которой в послании к Маше отводится центральное место, а занимается ею Нина, жена Плещеева:

...Но Нина шепчет мне:
«Читать довольно скушно!»
И очень равнодушно
У моськи на спине
Изволит по преданью
Искать проворных блох!

Кто не воскликнет *ох!*
 Как можно блох исканью
 Тебя не предпочесть!
 Когда, оставя лесть,
 Мой друг, перед тобою
 Покажется блохою
 И все, что в мире есть,
 И мило, и прекрасно! [5, т. 1, с. 328].

Слово «преданье» должно было, по-видимому, напомнить Маше о некоем опусе или спектакле Плещеева, в котором фигурировала Нина и ее собачка. Это позволяет предположить, что к июню 1813 г. послание Жуковскому «Нет, право, мочи нет...» было уже написано.

<14>

А.А. Плещеев

<Конец июня <?> 1813 г. Чернь>

Милый друг Жуковский! Как у вас идут здоровьи? — У нас вчера Льоля было очень занемог; однако сегодня гораздо лучше. — Когда получим мы от вас хотя изрядные какие-нибудь вести? А то все дурно, да к тому же еще и не хорошо¹.

Поцелуй, милый друг, за меня все достойные ручки. — Я сегодня опять принялся за милую свою работу — Светлановну², а то вчера что-то не клеилось.

Прости, милый, я весь твой.

А. Плещеев.

¹ Написано в ответ на неизвестное письмо Жуковского, в котором содержались «дурные» вести, вероятнее всего, о болезни М.А. Протасовой.

² См. предыдущее письмо о работе Плещеева над музыкой к «Светлане» Жуковского.

<15>

А.А. Плещеев

9 декабря 1813 г. Чернь

Здравствуй, милый друг! Что ж это такое? Когда не болезни, то слезы¹? — На что же это похоже?

Однако видишь, что Анна Ивановна отгадала? — Видишь, что нам ни во флигелях, ни на верьхах² быть не надо?

Я все эти дни после твоего отъезда был не очень здоров. — Сегодня лучше, и я перевел половину твоего послания Доктору³.

Ты как поживаешь? Пиши мне! Пиши более! Пиши крепче! —
Пиши шипче! Да ну! Пиши же!

Обнимаю тебя крепко! Итак, прости до 20-го.

Твой верный А. Плещеев.

Сего декабря 9-го 1813. Несносно⁴.

¹ Ответ (с адресом: «Другу Жуковскому») на неизвестное письмо поэта из Муратова, по-видимому, от первых чисел декабря 1813 г.

² Возможно, речь идет о каком-то помещении в доме Плещеева для его музыкальных занятий с Василием Андреевичем.

³ Имеется в виду послание Жуковского «К доктору Фору», датированное 12–16 января 1814 г. по положению автографа в тетради [5, т. 1, с. 646]. Сообщение о нем в письме от 9 декабря 1813 г. позволяет считать временем его создания ноябрь 1813 г. Послание Жуковского было проникнуто чувством благодарности за ту врачебную помощь, которую Р. Фор оказал М.А. Протасовой. Перевод послания мог готовиться как подарок доктору к Новому году, что Протасовы вместе с ним, Плещеевыми и другими гостями праздновали в Муратове 1 января 1814 г. В январе 1815 г., прощаясь с Василием Андреевичем в Долбине — имении А.П. Киреевской (Елагиной), Фор преподнес ему ответное послание на французском языке (см. запись в альбоме: [8, с. 17–18]).

⁴ В письме содержатся две плохо читаемые краткие приписки А.И. Плещеевой о полученном письме Жуковского с благодарностью за него и неким вопросом.

<16>

А.А. Плещеев

<14 декабря 1813 г. Чернь>

Здравствуй, милый друг Жуковский! Вот постоянство наших зим! — Всякий Божий час метели.

Сделай милость, пришли мне «Пустынника» и даже «Журавлей»¹. — Я в таком, что называется по-итальянски, *эстрé**, что верно в миг кончу одну из сих балладочек.

«Пустынника» знаю один только стих, а и тут сделал начало славное!

Да еще, братец, перешли мне «Велизария» романс², ибо у меня один только куплет.

Обними за меня любезного тезку моего³ именем и чернотою.

Прости, милый, до свиданья! — Поцелуй за меня все достойные ручки.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Je vous envoie mon aimable ami des noix qui étoient prêtes hier mais je n'ai pu les envoyer à cause du тяжесть. Remerciez bien Natalie je vous prie pour m'avoir écrit ce que je n'aurai dû savoir que de Marie, c'est qu'elle n'avait plus ni vin ni chocolat. Le 16 je viendrai absolument mon

Alexandre viendra avant, je viens <?> après demain si le temps le permet.
Adieu mon cher et bon Joukowski. Bien des choses à vot<re> ami.

<Перевод:>

Посылаю вам, любезный друг, орехи, которые были приготовлены вчера, но я не смогла их послать из-за [тяжести]. Поблагодарите, пожалуйста, Наталью⁴, которая написала мне о том, о чем я должна была узнать только от Марии: что у нее нет больше ни вина, ни шоколада. 16-го приеду непременно, мой Александр появится раньше, я буду <?> послезавтра, если погода позволит. Прощайте, мой дорогой добрый Жуковский. Тысяча поклонов ваш<ему> другу.

* Эстре (от *итал.* *estro*) — т. е. пыл, вдохновение.

¹ Речь идет о балладах Жуковского «Пустынник» (1812) и «Ивиковы журавли» (1813); музыка Плещеева к ним утрачена.

² Музыка Александра Алексеевича к романсу А.Ф. Мерзлякова «Велизарий» (1806) также утрачена. 6 января 1814 г. он был впервые исполнен А.И. Плещеевой в сопровождении оркестра, о чем сохранилась дневниковая запись А.Ф. Воейкова: празднество в Черни, в котором участвовало все муратовское общество, знаменовало окончание Святкок («fête des rois») и, одновременно, годовщину возвращения Жуковского из армии (*Соловьев Н.В.* История одной жизни: (А.А. Воейкова — «Светлана»). Пг., 1915. Кн. I. С. 33).

³ Имеется в виду Александр Федорович Воейков (1778/79 – 1839) — поэт и журналист, живший в это время в Муратове и ставший мужем А.А. Протасовой в 1814 г.

⁴ Н.А. Азбукина — внебрачная дочь А.И. Протасова, отца Маши и Саши; в начале 1814 г. жила в Муратове, в середине года переехала в Долбино.

<17>

А.А. Плещеев

23 декабря 1813 г. Чернь

Ну, милый друг, уморил ты нас от беспокойства! И ума не можем приложить и не умеем растолковать, что это может значить. — Если бы, сохрани Бог, у вас и нездорово было, все бы кто-нибудь да написал! или бы лошади наши возвратились! — А то, вообрази сам, от 19-го до 23-го никакого известия о вас не имеем, и все ждали тебя¹. Мы, словом сказать, в ужасном беспокойстве. — И не дай Бог тебе все это чувствовать. — Прости, брат, черт с тобой, если ты только мюзаришь²!

Твой верный

А. Плещеев.

23-го декабря 1813.

Целуй за меня все отборные ручки.

¹ Речь идет о приезде Жуковского с обитателями Муратова в Чернь на Рождество.

² Мюзарить (от *франц.* musard) — т. е. ротозейничать.

<18>

А.А. Плещеев

<20–25 января 1814 г. Чернь>

Милостивые государи батюшки Василий Андреевич! и батюшка Александр Федорович!

Желаю батюшки наши вам всякого здравия и благополучия. — Хотелось бы мне, отцы мои, с вами поговорить и повидаться; но

Вот поехал Букильон
Вдоль по Новугорской.
Для меня завиден он!
Экой кот заморской!
Вздумал, сел и поскакал!
Видно, Бог его сыскал!
Экой кот заморской!
Жги!
Экой кот заморской²!

До 29-го, видно, ребяташки, не видать мне вас; а мне хотя и не здоровится, я бы с вами опять возвратил всю свою веселость. Она, видно, так уж под залогом у вас и остается. — Мне, чтоб быть здоровым, надо быть веселым, а я без вас, милые друзья, что называется, вот так... чтоб... совсем, то есть до дурачества, быть веселым не могу. — Правда! Хорош и Вилар! И Гутальс не дурен³! Да с кем же, голубчики, мне их разделить! — Ниночка моя такая добрая! Она этих скромных насмешек не кушает! — Простите, друзья! — Поцелуйте за меня милые ручки! — А не милых не целуйте!

Ваш верный раб,
то есть вран черный⁴

А. Плещеев.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Je me rappelle au souvenir d'un <des> Messieurs avec accompagnement de mille choses les unes plus jolies que les autres au cher Joukowski. Combien je suis triste à ne pouvoir passer un jour de naissance avec lui.

<Перевод:>

Кланяюсь одному <из> государей батюшек и передаю тысячу пожеланий, одно лучше другого, дорогому Жуковскому. Как мне жаль, что не могу провести с ним день рождения.

¹ Письмо датируется по упоминанию о близком дне рождения Жуковского (29 января). В этот день Плещеев намеревался отправиться в Муратово, а его жена — остаться дома. Укрепляет датировку дружеское упоминание А.Ф. Воейкова, которое свидетельствует о самом благополучном периоде в его отношениях с Василием Андреевичем. После 29 января Воейков уехал из Муратова для устройства своих дел перед свадьбой с А.А. Протасовой.

² Стихотворение Плещеева «Вот поехал Букильон...» переключается с одним из стихотворений шуточного цикла Жуковского, имеющего в двадцатитомном Полном собрании сочинений и писем поэта условную и компоновку, и заглавие «<Первое апреля 1814 г.>» [5, т. 1, с. 319–326, 667–669]. Включенное в него стихотворение «Похождения или поход первого апреля: (La bonne aventure)» имеет ту же строфу, что и стихотворение Плещеева, а также сходный с ним припев «Ай, жги!» с повтором предыдущего стиха; ср. с 1-ой строфой «Похождений...» Жуковского:

Был-жил в свете Букильон
И поэт Жуковский!
Букильону снился сон
Про пожар Московский!
Видел также он во сне,
Что Профессор на коне
Ехал по Покровской.
Ай, жги!
Ехал по Покровской [5, т. 1, с. 322].

Переключка стихотворений Жуковского и Плещеева ставит вопрос об очередности их создания. Более вероятным представляется, что подражателем был Александр Алексеевич, и стихотворение «Похождения...» было написано к 1 апреля 1813 г. Тот же вывод об ошибочности отнесения его к 1814 г., но на ином эпистолярном материале см. в: [8, с. 19].

³ О Ж.-Э. Визаре (в письме буквально: «Вилар») см. <5>, примеч. 5. Гутальс (*Goethals*) — пленный француз, о котором встречаются сочувственные упоминания в орловском дневнике Протасовых за август–октябрь 1812 г. [10, с. 689–690]; в 1815 г. Гутальса вспоминала М.А. Протасова в одном из своих писем (см.: Уткинский сборник I. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / ред. А.Е. Грузинского. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1904. С. 142). Визар же неоднократно упоминался в шуточных стихах и разного рода сценках, разыгрывавшихся в имении Плещеева. Каких-либо текстов такого же рода с упоминанием Гутальса не сохранилось.

⁴ Называя себя «враном черным», Плещеев делает отсылку к «Светлане» Жуковского; впоследствии это стало его арзамасским прозвищем.

<19>

А.А. Плещеев

<20 апреля 1814 г. Чернь>

Здравствуй, друг милый!

Каково у вас? — Я вчера возвратился в пять часов по утрам из Орла¹. — Ах! Брат! какая музыка²! Подлинно, в Европе редкость! Да и натурально: люди, которые играют от колыбели вместе, должны быть согласнее тех, которые, от Юга, от Севера собравшись в путь вчера, играют сегодня вместе каким вкусом кому заблагорассудится. — Случалось ли тебе видеть богамцев, которые, человек 5–6, путешествуют с малых лет вместе и почти нот не знают³? Их заслушаешься! Так-то и у нас в России под хорошим хозяином-музыкантом должен сделаться всякий 30-тилетний оркестр.

Это клонит к тому, что я и на свой оркестр надеюсь как на каменную стену. — Дал бы нам Бог только здоровья, доброго нрава для здоровья, веселости для доброго нрава, милых друг <так!>, как вы, для веселости! — Сурьянина для милых друзей! — Весна для Сурьянина!.. И так далее. — Чернышев, скажу тебе, по прошению издателя Инвалида делает французский *feuilleton** в прибавление к сему журналу, в буфонском роде; читал мне много славных статей и просит нас с тобой быть его корреспондентами⁴.

Prospectus его пресмешной и очень хорошо сделан.

Прости! милый, обнимаю тебя... сам знаешь, как искренно, как сильно!

Твой верный

А. Плещеев.

Да поцелуй же за меня ручки отборные.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Mille choses à l'ami de mon ami au frère de mon mari par conséquent à mon beau frère le 20 le 20 le 20.

<Перевод:>

Всего самого доброго другу моего друга, брату моего мужа, следовательно, моему деверю 20, 20, 20.

* Фельетон (франц.).

¹ Датируется 20 апреля 1814 г. Датировка письма опирается, во-первых, на актуальное для весны 1814 г. упоминание в нем А.А. Плещеевым «Сурьянина для милых друзей», т. е. для Жуковского, который в мечтаниях связывал с этой деревней, принадлежавшей Е.А. Протасовой, свою будущую жизнь с Машей, а во-вторых, на

троекратный повтор числа «20» в финале приписки А.И. Плещеевой. В марте–апреле 1814 г. Александр Алексеевич пребывал в постоянных разъездах по Орловской губернии. В письме от 16 апреля 1814 г. Жуковский сообщал А.П. Киреевской (Елагиной) о кратковременном приезде Плещеева в Чернь и затем в Муратово, а также о том, что они разъехались, стараясь застать там друг друга (к этому времени и относится комментируемое письмо). Затем он вновь уехал в Орел, где встретился в последних числах апреля с Василием Андреевичем и откуда вернулся с ним в Чернь 4 мая 1814 г. О деревне Сурьянино (Сурьяново, Сурьяниново) см.: [5, т. 1, с. 642–643; т. 15, с. 205, 241, 396, 771–772].

² По-видимому, речь идет о крепостном оркестре в орловском имении Тагино графа Г.И. Чернышева. По воспоминанию М.Д. Бутурлина, относящемуся к несколько более позднему времени, «в Тагине был оркестр из крепостных музыкантов <...> оркестр мог бы с честью занять место в любом столичном театре» [6, с. 42]. В 1828 г. чернышевский оркестр был приобретен дирекцией Императорских театров, однако возглавившихся на него надежд не оправдал (*Яцевич А.Г.* Крепостной Петербург пушкинского времени. Л.: Пушкинское общ-во, 1937. С. 140).

³ Имеются в виду бродячие музыканты (цыгане) из Богемии (Чехии).

⁴ Речь, по-видимому, вновь идет о Г.И. Чернышеве, поэте и драматурге: «Граф Григорий Иванович олицетворял собою офранцузенных екатерининских вельмож; он был очень любезен в обществе, свободно писал французские вирши и довольно плохо знал русский язык» [6, с. 43]. Иных, помимо письма Плещеева, свидетельств о замысле П.П. Пезаровиуса, издателя газеты «Русский инвалид», обратиться к публикации бюллетеней («feuilleton») «в буфонском роде» на французском языке обнаружить не удалось. В этом издании до сентября 1814 г. публиковались «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», включавшие материалы из парижских газет, известия от корреспондентов, антинаполеоновские прокламации и т. п. Замысел, о котором пишет Александр Алексеевич, предполагал полемику с французскими журналистами, вполне актуальную для весны 1814 г.

<20>

А.А. Плещеев

<18–20 декабря 1814 г. Чернь>

Что ты, любезный и милый друг? Здоров ли? — Покойнее ли? De corps et d'âme! — Vous ne doutez pas, ami cher, du vide que votre départ a laissé parmi nous! Voilà la vie humaine! On forme des liaisons, on s'attache; une société d'amis sincères, je lie par la conformité des goûts, des sentiments. Dans les moments d'épanchement de joie ou d'attendrissement, ils bénissent le sort qui les a rassemblés; étrangers à tout mouvement de sottise ambition, ou d'intérêt; ils ne prévoient même pas que jamais quelque chose puisse délier ce nœud formé par la sympathie. — Tout change! — La société se voit dissoudre... On cherche à former d'autres liaisons!.. Vain espoir! — Le regret même des anciennes rend celles-là plus légères... Enfin l'âge é moussé jusqu'au sentiment... Il ne reste que le regret... Je ne sais si vous pensez comme moi; mais la correspondance est un bien faible dédommagement*. Однако, любезный друг, не будем лениться, давай писать, часто, много и откровенно... даже без сарказмов¹. — Вот почему письма не то, что присутствие

милого человека: иногда хочется, точно... вот точно тебе что-нибудь сказать, прочесть, пропеть, спросить. Ан тут не почтовый день... А когда почтовый, то или лень, или нездоров, или в дурном нраве... да и в дурном-то нраве оттого, что: *вот, дискать, не вижу его, а должен за 300 верст писать к нему, да и черт знает, когда увидишь!.. вместе было как хорошо!..* и проч.

В самый день твоего отъезда ты знал, что мы с Губаревым ехали стрелять? Не доехали до куликов... видно, что на все день несчастный!.. Бедный наш Губарев неосторожно положил руку на дуло ружья, оно было взведено... выстрелило!.. и... оторвало почти весь большой палец правой руки². Вообрази себе мое состояние! За шесть верст до Черни! без помощи! — Видишь человека, которого любишь, в таком положении! — Думать, что, может быть, и всей руки нет!.. Что и жизнь в опасности.

Кое-как сняли мы с Павлом у него перчатку. Завязали руку и во весь дух прискакали в Чернь, где послали и в Болхов за Игнатищевым и в Орел за Вестфалем³... Игнатищев приехал... Помог! и вчера уже нашел, что милый наш Губарев останется с пальцем, хотя, может быть, и кривым; однако и то счастье!

Ты не можешь, друг мой, вообразить, как жаль его! — Ты знаешь, что он любит и точить?.. Каково же потерять палец большой на правой руке! Вестфаль хотя и не приехал, однако надо отдать справедливость Игнату! — Он ездит всякий день и лечит хорошо! Прости, любезный и милый друг! обнимаю тебя от всей души! — Люби меня! Право, я искренно люблю тебя. — Губарев тебе кланяется вчера; ибо сегодня не смею сказать ему, что пишу к тебе, у него всегда у бедного слезы на глазах, когда говорит о письме или о чем-нибудь, что правой рукой делается.

Твой верный друг

Александр Плещеев.

Дети все тебя целуют. — О Лъели и говорить нечего; мы вместе с ним часто о тебе грустим.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Je me rappelle au souvenir de notre aimable ami et lui dirai que j'ai eu ce matin des nouvelles de nos amis qui étoient hier à Orel. Elles se portent bien. Barte <?> les y a vus. Nous allons envoyer l'argent blanc qu'on vient de nous rapporter. On me presse pour la poste. Adieu, portez vous bien, je suis sûre que nous vous manquons, presque autant que vous nous manquez, et croyez à la sincère amitié de vos amis vrais et sincères de Tchern.

<Перевод:>

Кланяюсь нашему любезному другу и сообщаю, что сегодня утром получила известие от наших друзей, которые вчера были в Орле⁴. Они в добром здравии. Барт⁵ <?> их там видел. Пошлем серебро, которое нам только что доставили. Меня торопят с почтой. Прощайте, будьте здоровы, уверена, что вы скучаете без нас, как и мы без вас, верьте искренней дружбе ваших верных и преданных друзей из Черни.

* Телом и душой! — Ты не представляешь, мой дорогой, как у нас стало пусто после твоего отъезда! Такова человеческая жизнь! Завязываются знакомства, симпатии; общество искренних друзей, я привязываюсь по сходству вкусов, чувств. В моменты прилива радости или умиления мы благословляем судьбу, соединившую нас; мы не подвластны глупому честолюбию или корысти; трудно представить, что что-либо может развязать этот узел, возникший по взаимному влечению. — И вдруг все меняется! — Общество распадается... Пытаешься завязать новые отношения!.. Тщетная надежда! — Само сожаление о прежних связях делает новые более легковесными... Наконец время притупляет чувства... Остается только сожаление... Не знаю, думаешь ли ты, как я; но переписка суть слабая компенсация (*франц.*).

¹ Письмо носит прощальный характер, поскольку Жуковский намеревался покинуть родные места вслед за Протасовыми. Из Черни Василий Андреевич уехал в Долбино, откуда 6 января 1815 г. отправился в Москву и затем в Дерпт.

² В.И. Губарев был усердным переписчиком стихотворений Жуковского. Инцидент, о котором повествует Александр Алексеевич, объясняет внезапное исчезновение из переписки поэта упоминаний о его работе. Сцена на охоте произошла в начале декабря 1814 г. 8 января 1815 г. Губарев уехал из Черни, отправив в тот же день прощальное письмо к Плещееву и Жуковскому, написанное иной, по-видимому, женской рукой (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 386).

³ Плещеев называет докторов, во-первых, из Болхова (отметим, что в ежегодных изданиях «Российского медицинского списка», выпускавшихся Медицинским департаментом Министерства внутренних дел, лекарь по фамилии Игнатищев не значится), а во-вторых, из Орла (Ф.И. Вестфаль — штаб-лекарь, оператор).

⁴ Речь идет о возвращении семейства Е.А. Протасовой из поездки в Рязань. Из письма А.А. и А.Ф. Воейковых к Жуковскому от 3–13 декабря 1814 г. известно, что они намеревались отправиться оттуда в Муратово в ближайшие (после 13-го) дни [9, с. 46–48].

⁵ Барт (*Barte*) — лицо неустановленное.

<21>

А.А. Плещеев

<Конец декабря 1814 г. Чернь>

То-то и есть, любезнейший друг Жуковский мой, что сегодня Ниночка моя хороша ввечеру; может быть, и завтра будет изрядно; а послезавтра придет опять та же беда¹. — Послал я тебе давеча Сына Отечества; там есть штучка пресмешная: *О просвещении русских*². Приказываю вам прочесть сие, всем вместе собравшись вкупе,

вслух и посмеяться за меня, похаживая в пирамидальных блистаниях. — Вот то-то и есть; я хочу, когда успокоятся все мои чувства, без обиды Эдуарду написать маленькую русскую — не комедь... нет! а так, маленький актит³... Французы, когда не смеют назвать чего комедией, то изволят говорить: *Folie en un acte**. — Это мой случай.

Но теперь, брат милый, я бы и спал да спал. — Прости, друг, расцелуй ручки за меня у всех достойных оного пирамидального блистания.

Mille choses vraiment et absolument sincères au bon et cher aimable docteur**.

Сашка.

<Приписка А.И. Плещеевой:>

Vous voyez par là mon cher Joukowsky que mon pauvre Alexandre a perdu la tête. Il veut absolument que mon vice revienne après demain. Et moi j'espère qu'il n'en sera venu. Bien des choses au bon docteur.

Любите меня, как я вас люблю.

Adieu.

<Перевод:>

Видите, мой дорогой Жуковский, мой бедный Александр потерял голову. Он непременно хочет, чтобы мой изьян вернулся послезавтра. А я надеюсь, что он не вернется. Кланяйтесь доброму доктору.

[Любите меня, как я вас люблю.]

Прощайте.

* Безумие в одном действии (франц.).

** Самые искренние поклоны доброму и дорогому доктору (франц.).

¹ Письмо написано, по-видимому, в связи с приглашением Плещеевых в Долбино, где жил в это время и доктор Р. Фор, кому в письме супружеская чета посылает свои поклоны. Нездоровье Нины свидетельствовало о развивающейся чахотке, от которой она умерла в 1817 г. В письме от 25–28 ноября 1814 г. Жуковский писал А.П. Киреевской (Елагиной) из Черни: «Здесь все нездорово <...> кашляет Анна Ивановна и лежит» [5, т. 15, с. 295].

² Имеется в виду статья П.Ю. Львова «О просвещении России в древние времена», напечатанная в журнале «Сын Отечества» в 1814 г. (№ XXIII–XXV) и наполненная панегириками на тему отечественной истории. Письмо Плещеева стилистически предвосхищает иронические упоминания о Львове в писаниях членов общества «Арзамас» [7, с. 422]. Отрывок из письма с ошибочной датировкой («конец мая – начало июня 1817 года») и комментарием относительно упомянутой в нем статьи см. в: [4, с. 36–37].

³ О «замысле оперы-буфф» с публикацией отрывка из письма Плещеева см.: [4, с. 41–42].

Литература

1. *Афанасьев С.И.* «Друзья мои...»: (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // *Временник Пушкинской комиссии* / отв. ред. В.П. Старк. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29. С. 152–169.
2. *Афанасьев С.И.* «Друзья мои...»: (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // *Временник Пушкинской комиссии* / отв. ред. В.П. Старк. СПб.: Наука, 2005. Вып. 30. С. 142–151.
3. *Глумов А.Н.* Судьба Плещеевых: (Исторический роман). М.: Сов. писатель, 1973. 544 с.
4. *Глумов А.Н., Доброхотов Б.В.* Александр Плещеев // *Музыкальное наследство* / под ред. М.П. Алексеева и др. М.: Музыка, 1976. Т. IV. С. 28–72.
5. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / гл. ред. А.С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 1999–2019; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2023–.
6. Записки графа М.Д. Бутурлина. 1824–1827 // *Русский архив*. 1897. Кн. 2. Вып. 5. С. 5–74.
7. *Зорин А.Л., Витенберг Б.М.* Львов Павел Юрьевич // *Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь* / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1994. Т. 3. С. 421–422.
8. *Ларионова Е.О.* История о докторе Форе в русском плену // *Пушкин и его современники* / под ред. Е.О. Ларионовой, О.С. Муравьевой. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 5 (44). С. 5–41.
9. Переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829 / вступ. ст. и коммент. С.В. Березкиной; сост. и подгот. текста С.В. Березкиной, Н.Л. Дмитриевой, В.С. Киселева, О.Б. Лебедевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2020. 464 с.
10. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М.: Знак, 2009. 728 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“I Embrace You Brotherly, Friendly...” (Alexander Pleshcheyev’s Letters to Vasily Zhukovsky, 1809–1814)

*Introductory article and notes by Svetlana V. Berezkina,
text preparation by Svetlana V. Berezkina and Nina L. Dmitrieva*

© 2024. Svetlana V. Berezkina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

© 2024. Nina L. Dmitrieva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is the first complete publication of the letters of Alexander Pleshcheyev (composer, poet, playwright, member of the Arzamas Society) to Vasily Zhukovsky for 1809–1814. During this period, Pleshcheyev was one of the closest poet’s friends, aware of all his personal and creative affairs. The lack of Zhukovsky’s letters to him, lost in the later fire of the estate house in Bolshaya Chern, makes Pleshcheyev’s letters the most valuable source of Zhukovsky’s scientific biography of the early period (before he departed from his native lands). In 1809–1814, Zhukovsky spent a lot of time on the road, leaving and returning to Muratovo, where his love for Maria Protasova attracted him. The article presents Pleshcheyev and his wife, Anna Ivanovna, as the most active participants in the unsuccessful attempts to arrange a desirable marriage for Zhukovsky and Maria. It is worth noting that Pleshcheyev’s letters help publishers of the poet’s epistolary to solve the most complicated issues related to these movements and his relationships with relatives and friends. Also, these Alexander Pleshcheyev’s letters contain pivotal dates for determining the time of the creation of Zhukovsky’s “home” humorous poems, which have conditional dating in some printed publications. The letters containing messages and postscripts by V.I. Gubarev, S. Moreau de la Meltier, O.P. Bouquillon, and others give a comprehensive idea of the life of the hospitable Pleshcheyev house.

Keywords: Vasily Zhukovsky, biography, poems of 1809–1814, Alexander Pleshcheyev, biography, musical compositions, epistolary, history of Russian literature (the first third of the 19th century).

Information about the authors: Svetlana V. Berezkina — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-6834>

E-mail: s.berezkina@mail.ru

Nina L. Dmitrieva — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1925-3721>

E-mail: ninalvovna@mail.ru

For citation: “‘I Embrace You Brotherly, Friendly...’ (Alexander Pleshcheyev’s Letters to Vasily Zhukovsky, 1809–1814),” text prep. by S.V. Berezkina and N.L. Dmitrieva, introd. article and comm. by S.V. Berezkina. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 000–000. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-000-000>

References

1. Afanas’ev, S.I. “‘Druz’ia moi...’: (Novye biograficheskie svedeniia o litsakh pushkinskogo okruzheniia iz metriceskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.)” [“‘My Friends...’: (New Biographical Information about the Persons of Alexander Pushkin’s Entourage from the Metrical Books of St. Petersburg Orthodox Churches of the Late 18th and Early 19th Centuries)"]. *Vremennik Pushkinskoi*

komissii [The Periodical of the Pushkin Commission], issue 29, ed. by V.P. Stark. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 152–169. (In Russ.)

2. Afanas'ev, S.I. “Druz'ia moi...”: (Novye biograficheskie svedeniia o litsakh pushkinskogo okruzheniia iz metricheskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.)” [“My Friends...”: (New Biographical Information about the Persons of Alexander Pushkin's Entourage from the Metrical Books of St. Petersburg Orthodox Churches of the Late 18th and Early 19th Centuries)"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii [The Periodical of the Pushkin Commission]*, issue 30, ed. by V.P. Stark. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 142–151. (In Russ.)

3. Glumov, A.N. *Sud'ba Pleshcheevykh: (Istoricheskii roman) [The Fate of the Pleshcheevs: (A Historical Novel)]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 544 p. (In Russ.)

4. Glumov, A.N., and B.V. Dobrokhoto. “Aleksandr Pleshcheev” [“Alexander Pleshcheev”]. *Muzykal'noe nasledstvo [Musical Legacy]*, vol. 4, ed. by M.P. Alekseev et al. Moscow, Muzyka Publ., 1976, pp. 28–72. (In Russ.)

5. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t. [Complete Works and Letters: in 20 vols.]*, ed. by A.S. Ianushkevich. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 1999–2019, Tomsk, Tomsk University Publ., 2023–. (In Russ.)

6. “Zapiski grafa M.D. Buturlina. 1824–1827” [“Count M.D. Buturlin's Notes. 1824–1827”]. *Russkii arkhiv [Russian Archive]*, vol. 2, issue 5, 1897, pp. 5–74. (In Russ.)

7. Zorin, A.L., and B.M. Vitenberg. “L'vov Pavel Iur'evich” [“Lvov Pavel Yurievich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]*, vol. 3, ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, Fianit Publ., 1994, pp. 421–422. (In Russ.)

8. Larionova, E.O. “Istoriia o doktore Fore v russkom plenu” [“The Story of Dr Faure in Russian Captivity”]. *Pushkin i ego sovremenniki [Alexander Pushkin and His Contemporaries]*, issue 5 (44), ed. by E.O. Larionova, O.S. Murav'eva. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 5–41. (In Russ.)

9. *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeikovoi: 1811–1829 [Vasily Zhukovsky's Correspondence with Alexandra Voeikova: 1811–1829]*, introd. article and comm. by S.V. Berezkina, comp. and text prep. by S.V. Berezkina, N.L. Dmitrieva, V.S. Kiselev, O.B. Lebedeva. Tomsk, Tomsk University Publ., 2020. 464 p. (In Russ.)

10. *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoi: 1813–1852 [Vasily Zhukovsky's Correspondence with Avdotya Yelagina: 1813–1852]*, comp., text prep., article and comm. by E.M. Zhiliakova. Moscow, Znak Publ., 2009. 728 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.12.2023
 Одобрена после рецензирования: 31.01.2023
 Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 12.12.2023
 Approved after reviewing: 31.01.2023
 Date of publication: 25.03.2024